

Помните!
Через века,
через года,—
помните!
О тех,
кто уже не придет
никогда,—
помните!

Не плачьте!
В горле
сдержите стоны,
горькие стоны.
Памяти
павших
будьте
достойны!

**Вечно
достойны!**

Люди!
Покуда сердца
стучатся,—
помните!
какою
ценой
завоевано счастье, -
пожалуйста,
помните!

(Роберт Рождественский «Реквием»)

Уважаемые друзья, дорогие наши читатели! Дорогие ветераны войны – фронтовики и труженики тыла Великой Отечественной войны 1941–1945 годов! Выражаем всем вам искреннее своё уважение и ПОЗДРАВЛЯЕМ всех с праздником! Победа - подвиг и слава нашего народа, подвиг многонационального народа мира!

Весна. Цветы и солнце! Как хорошо, что день легендарной Победы над фашизмом, день Памяти погибших воинов совпал именно с весной!

9 мая великую Победу празднуют не только ветераны Отечественной войны, но и их дети, внуки, правнуки. Этот исторический день является напоминанием о героизме и патриотизме всех защитников родины. День Победы – это Праздник в честь всех тех, кто подарил нам мир, жизнь, будущее и свободу на земле! Праздник - в честь памяти погибших в сражениях и в тылу, в гетто и в концлагерях тысяч воинов и людей гражданских - женщин, стариков и детей.

Наш долг – хранить память о них в своих сердцах!

Писатель К. Симонов сказал: «У нас, у живых, есть много человеческих прав. Но у нас нет и никогда не будет права забывать о том, что сделали наши мертвые товарищи во имя Победы, во имя Родины, во имя жизни на земле!»

Тамара Ростовская

БОЛЬ

(погибшим в Холокосте)

Дети гетто

Дети, рожденные в гетто,
Печальные дети войны,
Нарушив невольно запреты -
На свете вы быть не должны.

Нельзя вам дышать кислородом,
Нельзя в колыбели кричать -
Своим незаконным приходом
Под пули подставьте мать.

И мечутся матери, плачут
И помощи просят врачей,
И прячут родимого, прячут
Средь всяких ненужных вещей.

Выносят в корзинах плетёных
Под тусклым огнем фонарей
Малюток, в неволе рожденных,
На милость других матерей.

* * *

Я - последний поэт Катастрофы,
Уничтожить пытались меня.
И в ночи, и среди белого дня
Кровью сердца пишу эти строфы.

Я - последний поэт эпоса...
Ты не можешь весь ужас понять -
Не носивший позора печать,
Не расстрелянный в братской траншее.

Я - последний поэт Катастрофы,
Мне страдать до скончания дней,
Я воскресла из пепла. И строфы
Моим внукам расскажут о ней.

Поминальная молитва

Я зажгла поминальные свечи,
И внезапно привиделась мне
Крематория жуткие печи,
Где погибли родные в огне.

Не узнать мне тех чисел печальных,
Не найти мне кусочка земли...
Без речей, без молитв поминальных
Был их пепел развеван вдали.

Я зажгла поминальные свечи,
Мне казалось - горела душа,
И молились евреи в тот вечер,
Беспредельною скорбью дыша...

Письмо

Высоко над сосновым бором то и дело в яркой синеве перекачивается гром, потом начинает сыпать сквозь солнце серебряный дождь. От жары воздух быстро становится паром, стелющимся вдоль озера. Озеро затянато наполовину зеленой ряской, где-то рядом хрипло трещат дрозды, да вдалеке выбивает морзянку трудяга-дятел. Хвоя у подножья стройных сосен влажная и прохладная, чуть набухшая и мягкая. И потому спокойствию, что царит повсюду, по чистоте воздуха и неба, по призрачному появлению стаи косуль, кажется, что войны больше нет. На земле обычный мирный день переваливает за полдень, а потом наступит и долгий тихий вечер, затянувшийся далеко за полночь... Но это лишь иллюзия, колдовской обман, устроенный магушкой-природой, уставшей от войны. Перед закатом на бревенчатых стенах блиндажа сквозь маскировочную сетку скользит золотая сетка низкого солнца. На пустом ящике из-под снарядов «сорокапятки» сидит пожилой солдат в выцветшей гимнастерке. В глубоко посаженных глазах застыли слёзы, преломляя ровные строки ученического пера, обмакиваемого в свекольные чернила, отчего, кажется, что косая линейка тетрадного листа пропитана кровью, там, где нажим пера чуть сильнее.

«Здравствуй, папа! Пишу тебе с сибирским приветом от всей нашей большой семьи. Все у нас хорошо, потому что все здоровы и дед Дмитрий тоже, чего и тебе желаем. Мы с мамкой целыми днями то на колхозном покое, то на прополке. А дед с мальчуганом, Зинкой и Мишкой, домовничают, но сена для Зорьки нынче не ставят. Приезжал с района налоговый инспектор, он-то корову и забрал, когда ее Мишка за околицей деревни пас. Деду записку вручил, мол, мамка задолжала по продналогу, и еще оперуполномоченным пригрозил, крыса тыловая... Особливо мне маму жалко стало, когда она вечером про все узнала, спрятала Мишку и Зинку под кофту, сидит и раскачивается на крыльце, но не плачет. А ночью ей худо сделалось. Деда отвар из кореньев варил и поил ее. Утром я на работу один пошел, а она уж в ночную смену вышла, чтобы косить по росе, помнишь эти комаровские поля. Ты еще меня там учил правильно литовку отбивать. Извини, папа, я не хотел тебе такое письмо на фронт писать, особенно про беду с Зорькой, но деда очки надел и весь вечер по слогам читал и выпороть обещал, если про корову не напишу. Да я и сам понимаю, что зимой без коровы нам худо будет. Но ты не горюй, перезимуем. Школу брошу и пойду скотником на ферму, так что Мишке с Зинкой хоть обрат да будут к картошке. А она нынче хорошая должна уродиться, цвела дружно и ботва толстая. Это потому, что мы по весне с дедом на санках в огород навоз свозили, как ты обычно делал.

Передавай привет товарищам красноармейцам и товарищу Ворошилову, деда велел дописать, ежели встретишь, конечно, красного маршала. До свидания, и крепко тебя обнимаем, твой сын Иван». Рядом печатными буквами: «Береги себя, жду, Катерина».

Солдат, погруженный в невеселые думы, и не заметил, как на пороге блиндажа появилась рослая фигура молодого капитана с золотой звездой Героя на груди. Комбат потянулся с хрустом и весело гаркнул: «Петро, ты у меня ординарец или как?! Почему до сих пор сургуч для пакетов тверже фрицевского шоколада? Ну и, конечно, вопрос о кителе должен быть выставлен на повестку дня немедленно, коли мы с тобою собрались в штаб Армии этой скорой и дивной ночью!» Солдат вскочил, поправил пилотку и выткнулся в струнку, пряча треугольник письма в сапог.

- Виноват, товарищ комбат. В один момент все справлю!

- Що я бачу, Петро, на тебе лица нет! На кой, доложи мне, письмо от командира в сапоги шхерить?!

В голове солдата вмиг все перемешалось: и дивный вечер, так не похожий на войну (хотя за лесом немецкие укрепрайоны), и косые строки письма, от которых за версту несло бедой из-за потери коровы - единственной кормилицы и спасительницы для его семьи, и мелькнувшая последняя надежда на геройского командира...

Солдат двумя пальцами подцепил письмо за голенищем кирзового сапога, переложил в правую руку и решительно протянул его капитану. Комбат начал читать письмо из далекой Сибири, покусывая ус. С каждой строчкой лицо его темнело и вскоре превратилось в маску. Её солдат уже видел во вражеских окопах на рукопашной. Это была маска отвращения, меняемая тут же на маску лютой ненависти и -наоборот. - Коня мне! - Засунув треугольник письма в карман гимнастерки под самую звездочку Героя Советского Союза, комбат круто развернулся и, наклонившись, устремился под своды блиндажа. Через пять минут крутая холка «Буланого» уже исчезла на спуске песчаной дорожки к штабу армии.

В синем море неба застыли островами облака. Теплый ветер несет с осенних садов кружащие голову запахи хорошего урожая и, чем ярче и радостнее печет солнце, тем холоднее тянет из ям, вырытых в тени раскидистого дуба. Могил - три. Немецкий снайпер начал работать успешно. Вдоль тел, завернутых в плащ-палатки, выстроился почетный караул. Солдат бережно выстилает еловым лапником последнюю яму и, ухватившись за протянутый приклад карабина, выбирается наружу, как бы оправдываясь: «На сыру землю у нас в Сибири никак нельзя, коль гробов не успеваем да хотя бы так, а то, как же не по-христиански...» Впереди - канаонада, высоко в небе - наши бомбардировщики летят строго на запад. По змеиной дорожке вдоль серых от пыли холмов идет пехота. Увидевшие почетный караул на ходу снимают каски, иные идут и так, погруженные в свои мысли.

Солдат наклонился над красивым чернотусым лицом, поцеловал покойника в лоб и тихо прошептал, украдкой перекрестившись: «Спасибо тебе, командир, за все, прости своего ординарца, что не уберег!.. Иди с миром к Господу». Беременные дождем тучи быстро стекались к новому погосту. Уже первые крупные капли окропили комья глины, а солдат все стоял на коленях перед крайним холмом с придорожным валуном с красной звездочкой и бормотал: «Товарищ капитан, я вам письмо Вани, сына моего, не успел прочесть. Вот оно: «Здравствуй, папа, у нас большая радость - из района сам председатель приезжал, с ним еще двое, один без руки. Он там нам после корову и привел вместо Зорьки. Она хоть и комолая, но молока больше дает, еше и стог сена выделали. Я так ничего и не понял, когда бабка Фрося с нашим дедом спорили. Бабка говорила, что это Господь ее молитвы на небесах услышал, а дед говорит, что это Петро к красному маршалу Ворошилову на прием ходил, опосля Ванькиного письма, писанного под его, дедовскую диктовку. А еще бабы говорят, что тот мордатый налоговый инспектор с района исчез...» Никогда не забуду, командир, что ты спас ребят моих малых фактически от голодной смерти. Торжественно клянусь отомстить врагу за тебя! Сегодня ночью в наступление идем по всему фронту. Спи спокойно, боевой наш товарищ и батя - комбат...»

Валерий СТАРОВОЙТОВ

Москва, война и я — пацан

Этот солнечный воскресный день мне, девятилетнему мальчишке, запомнился на всю жизнь.

Мы с мамой ехали по Бульварному кольцу навещать бабушку.

Не доезжая до поворота на Кропоткинскую улицу, трамвай вдруг остановился и стало удивительно тихо. Замерли даже прохожие, оказавшиеся случайно на площади. Из двух чёрных раструбов уличных репродукторов, висящих на углу, после двенадцатичасовых новостей, донёсся голос Левитана: «Внимание, внимание! Через несколько минут вы услышите важное правительственное сообщение!» Затем раздался взволнованный, слегка заикающийся, голос Вячеслава Молотова: «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава товарищ Сталин поручили мне сделать следующее заявление: Сегодня в 4 часа утра, без предъявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на нашу страну...» Когда он закончил обращение словами: «...Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами!» — казалось, все замерли в ужасе от услышанного.

Не думал я тогда, что слова: «Война», «Немцы», «Германия» останутся в моей памяти на всю жизнь.

Это было 22 июня 1941 года. 12 часов 15 минут дня.

Вскоре я узнал и новые незнакомые слова: «Эвакуация», «Мобилизация», «Ополчение», «Светомаскировка», «Информбюро»...

Наш большой пятиэтажный дом коридорной системы по Ленинградскому шоссе, в котором проживало около 100 семей, значительно опустел и без детского смеха, громких игр и мальчишеской беготни стал тих и неузнаваем. Многие семьи разъехались, большинство мужчин призвали в армию, а некоторые добровольно ушли в ополчение.

Окна, которые вечерами теперь плотно закрывались, были заклеены крест-накрест бумажными полосками, а в комнате тускло горела керосиновая лампа, и на полу стояла печка-буржуйка с трубой, выведенной через форточку в окне.

Отец настаивал, чтобы и мы эвакуировались, но мама категорически отказалась из-за бабушки — своей мамы, которая была тяжело больна.

Отец, работавший на оборонку, всю войну мотался между Наркоматом химической промышленности, который находился теперь в городе Молотове (ныне Пермь) и различными химкомбинатами, и только изредка появлялся дома.

Продукты уже продавали в ограниченном количестве. Постепенно с прилавков магазинов исчезло всё, даже хлеб, спички и соль. Иногда «выбрасывали» перловку и манку, и тогда мама умудрялась приготовить какую-то еду. Потом пропало и это. Электричество, вода, газ и центральное отопление работали с перебоями. Москва изменилась, стала тёмной и малолюдной, только у железнодорожных вокзалов было столпотворение из желающих уехать... Настоящая паника в Москве началась в середине октября, когда усилились бомбёжки, и всем стало ясно, что немцы пытаются окружить город, наступая на Солнечногорск, Крюково, Истру, Волоколамск и Калинин... Над центральным районом нависли громады аэростатов. Витрины больших магазинов были заложены мешками с песком. На Пушкинской площади и у Белорусского вокзала, на Стадионе юных пионеров и на поле ипподрома стояли замаскированными батареи зениток, на Ленинградском шоссе, ближе к Соколу — противотанковые заграждения — ежи... Но прорывавшиеся сквозь огонь зениток вражеские самолёты всё чаще сбрасывали на город тяжёлые бомбы, бомбы-зажигалки и листовки, в которых немцы уже объявляли день взятия Москвы. По сигналу воздушной тревоги мы с мамой, захватив рюкзачок с самым необходимым, бежали в укрытие на станции метро «Белорусская». Брат с товарищами дежурили на крыше дома, гася и сбрасывая зажигалки. Позже их всех мобилизовали на уборку урожая в Подмоскowie.

Мама моя, большая рукодельница, устроилась надомницей в художественную артель, где вышивали и изготавливали военные знамёна и выпелы. (Впоследствии, в 1943 году, она в одиночку вышла знамя польской дивизии имени Тадеуша Костюшко).

Наконец, появились продуктовые карточки. По ним мы начали регулярно получать хлеб, сахар, крупу, а иногда и маргарин.

Маме изредка удавалось обменять кое-какие вещи на мороженую картошку или кусочек свиного сала. Однажды в артели вышивальщицам выдали по килограмму дрожжей, и мама умудрилась сделать из них паштет. До сих пор помню этот вкус.

Сложнее всего было с бабушкой, поскольку она была верующей, и маме постоянно приходилось её обманывать, что все продукты кошерыные. По сигналу тревоги мы теперь никуда не убегали, а оставались с большой бабушкой, которую перевезли к нам. Во время бомбёжки наш старый дом содрогался и, казалось, покачивался от разрывов бомб, осыпалась штукатурка, слышалась частая стрельба зениток. Мама, присев на кровать у ног бабушки, усаживала меня рядом на стул и, не переставая, о чём-то говорила, стараясь отвлечь наше внимание от страха... Но всё равно мы с надеждой поглядывали на чёрную радиотарелку на стенке, чтобы услышать это долгожданное — «Отбой воздушной тревоги!»

На фото: маленький Ян с родителями и братом, 1946 г.

В первых числах декабря, когда в столицу прибыло сибирское пополнение и наши перешли в контрнаступление, немного полегчало. И бомбардировок стало меньше, и продукты по карточкам появлялись чаще.

В начале 42-го моего семнадцатилетнего брата призвали в армию и отправили на учёбу в противотанковое артиллерийское училище.

И, хотя война продолжалась, мы, не уехавшие в эвакуацию ребята, играли в футбол, катались на коньках, прикрученных верёвками к валенкам, а иногда, рискуя жизнью, бегали под охраняемый Ваганьковский мост, куда приходили пустые товарные эшелоны с фронта, в надежде отыскать в вагонах порох, патроны, пистолеты, ракетницы. Затем устранили целые сражения со взрывами и стрельбой, за что неоднократно попадали в 63 отделение милиции, которое находилось на первом этаже нашего же дома. Иногда нам, пацанам, выпадала удача — почистить лошадиные стойла конно-спортивной школы «Пищевик», что была у нас во дворе. За выполненную работу каждому вручали большой кусок подсолнечного жмыха. Это казалось вкуснее любого пирожного.

И вот наступил 43 год, который оказался для нашей семьи трагическим: похоронили бабушку, брат вернулся с фронта инвалидом 2-й группы, почти полностью потеряв зрение. Пришло известие, что семья деда, папиного отца, погибла в Бабьем Яру. Мамин брат, который до войны жил вместе с бабушкой и ушёл добровольцем в московское ополчение, пропал без вести, другой брат умер в госпитале города Муром после выхода из окружения...

За прошедшие с начала войны годы похоронки пришли на многих родных, близких и знакомых. Но в наш дом постепенно возвращались жильцы из эвакуации, инвалиды войны, изувеченные до неузнаваемости, и жизнь постепенно брала своё. Каждое новое победное сообщение Совинформбюро праздновалось сообща, каждая пришедшая кому-либо похоронка переживалась всеми.

Отец теперь чаще бывал дома, поскольку Наркомат вернулся в Москву.

И всё-таки, несмотря на все трудности, уже появилась вера в победу.

Помню, как все ждали открытия 2-го фронта!

На совещание, которое происходило в помещении Советской гостиницы, прямо напротив нашего дома, собрались министры иностранных дел союзных государств. Я, мальчишка, по глупости сфотографировал некоторых, включая и Вячеслава Молотова, за что был арестован и только чудом освобожден. А ведь могла пострадать вся семья...

В Москве открылись коммерческие магазины, в которых продукты продавали ненормировано, без карточек, по цене в два раза выше обычной.

В середине июля 1944 года на стадион «Динамо» и на Московский ипподром согнали множество пленных немцев и 17 июля их повели несколькими колоннами по Ленинградскому шоссе, по улице Горького. У Садового кольца часть пленных пошла направо, а часть — налево. Охраняли пленных конные и пешие красноармейцы.

Тогда я впервые увидел немецких солдат, офицеров и генералов. Я с братом и мамой стоял на тротуаре в толпе москвичей, в основном, женщин с детьми да мужчин-инвалидов войны. Видел, как некоторые из женщин плакали. Глядел на гордо идущих впереди колонны фашистских генералов и удивлялся: почему их не расстреляли? На мой вопрос, видел ли брат так близко немцев на фронте, он ответил, что так близко видел только немецкие танки с крестами.

Уже потом узнал, что всех пленных развели по лагерям. Некоторые жили под охраной в казармах на углу Большой Спасской и строили дома на Беговой улице, Хорошёвскому шоссе, и красивый «ажурный» дом у Скаковой аллеи.

Школы вскоре разделили на мужские и женские. И я перешёл учиться из 163-ей в мужскую 146-ую, что была на Беговой улице. Учась в школе, я начал заниматься в конькобежной секции Стадиона Юных пионеров, где моим тренером был чемпион мира — Яков Мельников, хотя терпения моего надолго не хватило. Затем были шахматы и конный спорт, в которых я достиг больших успехов.

2 мая 1945 года пал Берлин, все ликовали, почувствовав, что ещё чуть-чуть, и война закончится. Но сводки передавали, что немцы ожесточённо сопротивляются.

Хорошо помню 9 мая 1945 года, когда в 6 часов утра знакомый голос Левитана зачитал по радио Приказ Верховного Главнокомандующего: «Великая Отечественная война, которую вёл советский народ против немецко-фашистских захватчиков, победоносно завершена. Германия полностью разгромлена!»

Все соседи выбежали в коридор, обнимая и целуя друг друга, плакали и смеялись...

Не было только моей тётки, маминной двоюродной сестры, у которой погибли на войне все четыре сына. Последний, младший, погиб в конце апреля 45-го...

В это праздничное утро она, потерявшая к дальнейшей жизни всякий смысл, решила покончить с собой. Мой брат вынул её из петли в самый последний момент. Только прожила она после этого всего два года...

В этот День Победы мама моя то смеялась и радовалась, как все, а то вдруг в её глазах появлялись слёзы. Да, плакали все! И никто не стыдился этого...

Вечером мама надела своё довоенное платье, брат — орден, и мы вчетвером вместе с отцом гуляли по улице Горького. Что там творилось — трудно передать!.. Незнакомые совсем люди обнимались и целовались, словно родные! Чужих не было! Изредка кто-то на радостях стрелял в воздух. В небе, украшенном разноцветным фейерверком ракет, висел аэростат с портретом Сталина, ярко освещаемым прожекторами.

Наконец, загремел салют — 30 залпов из 1000 орудий... Вся страна и Москва ликовали!

А уже на завтра мы с пацанами устроили свой «салют»! — Под окном милиции в выкопанную яму положили большую банку из-под американской тушёнки, полную пороха, накрыли её кирпичами и подожгли фитиль. — Шаркнуло так, что из стены посыпались кирпичи! Милиционеры выскочили с пистолетами в руках. А нас всех опять посадили в милицию... Правда, ненадолго. Мы ж, всё-таки, победили!

Вот такой я и запомнил её, Великую Отечественную войну...

Ян КАУФМАН

Булат Окуджава

Молитва

Пока Земля еще вертится,
пока еще ярок свет,
Господи, дай же Ты каждому,
чего у него нет:
мудрому дай голову,
трусливому дай коня,
дай счастливому денег...
И не забудь про меня.

Пока Земля еще вертится —
Господи, Твоя власть! —
дай рвущемуся к власти
навластвовать всласть,
дай передышку щедрому,
хоть до исхода дня.
Канну дай раскаяние...
И не забудь про меня.

Я знаю: Ты все умеешь,
я верю в мудрость Твою,
как верит солдат убитый,
что он проживает в раю,
как верит каждое ухо
тихим речам Твоим,
как веруем и мы сами,
не ведая, что творим!

Господи мой Боже,
зеленоглазый мой!
Пока Земля еще вертится,
и это ей странно самой,
пока ей еще хватает
времени и огня,
дай же Ты всем понемногу...
И не забудь про меня.

Анна Ахматова

Победителям

Сзади Нарвские были ворота,
Впереди была только смерть...
Так советская шла пехота
Прямо в желтые жерла «Берт».
Вот о вас и напишут книжки:
«Жизнь свою за други своя»,
Незатейливые парнишки —
Ваньки, Васьки, Алешки, Гришки, —
Внуки, братики, сыновья!

Владимир Высоцкий

На братских могилах

На братских могилах не ставят крестов,
И вдовы на них не рыдают,
К ним кто-то приносит букеты цветов,
И Вечный огонь зажигают.

Здесь раньше вставала земля на дыбы,
А нынче — гранитные плиты.
Здесь нет ни одной персональной судьбы —
Все судьбы в единую слиты.

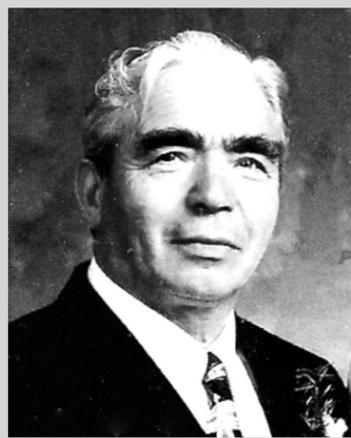
А в Вечном огне виден вспыхнувший танк,
Горящие русские хаты,
Горящий Смоленск и горящий рейхстаг,
Горящее сердце солдата.

У братских могил нет заплаканных вдов —
Сюда ходят люди покрепче.
На братских могилах не ставят крестов,
Но разве от этого легче?..

Имя твоё неизвестно,
Подвиг твой бессмертен!

Вам - Память Вечная и Слава!

Семен Бруштин

Родился в 1924 г. в гор. Киеве. Окончание школы совпало с началом войны. С июля 1941 г. и до июля 1943 г. - на Западном фронте, дважды тяжело ранен. Как инвалид войны в декабре 1943 был демобилизован. Награждён орденами "Слава" и "Отечественной войны" и медалями. Инженер-строитель с пятидесятилетним стажем (Волго-Дон и Волго-Балт, Уралмаш и пр.) Пройден путь от техника-геодезиста до главного инженера треста. В Америке с 1996 г.

Память сердца солдата

Посвящаю:

Женщинам в халатах белых,
В войну сменившим жакеты на шинели
И вместо туфель обувшим сапоги.

Медсестры в мирной жизни встречались у каждого на пути.

В канун Дня Победы память вернула в июль сорок третьего...

Нашу дивизию отвели во второй эшелон перед июльским наступлением на Западном.

Настало время освободить Смоленск. Расположились в густом сосновом бору.

Обычные прифронтовые будни. А какие они - будни? Это - изнурительный труд и бой, смерть и раны, багрянцем запёкшиеся ступки крови в окопах и вокруг. Вечный недосып и трупный запах. Ожидание вестей от близких, мечта о бане. Горечь отступлений. Порыв, когда идёшь в атаку и забываешь страх, а мозг и горло орут: «УРА!» Мои однопольчане и я отдавали свой воинский долг и "шапками" не бросались, было что потяжелее!

Наш взвод «сорокапятка» разместился немного особняком.

На рассвете следующего дня уполномоченный «Смерша» привёл к нам девушку-санинструктора с приказом паре дней приглядеть за ней: «губу» еще не успели оборудовать. Девушку подозревали в членовредительстве. Оказалась беременной.

Солдаты с сочувствием поглядывали на девушку.

А назавтра подняли нас по тревоге - марш-бросок на передовую! Наша 207-КСД с боями ринулась вперёд. Что случилось с беременной девушкой-санинструктором? Какая у неё судьба?

А «на войне, как на войне!» Пули, ранения... В конце июля настал и мой черёд - был тяжело ранен в руку. В полевом госпитале, разместившись в чудом уцелевшей деревеньке, солдатская судьба свела с четырнадцатилетней девочкой. Повели нас после перевязки и перед отправкой в тыл помыться в деревенской бане, и санитаркой оказалась эта самая девочка-подросток. Я-то парнишка был еще не «целованный»

и от стыда не знал, куда деть глаза. Девочка меня раздела, обмыла и помогла одеться. Глазами взрослой женщины, глядя на меня, сказала:

- Братишка, не стесняйся. Я к войне давно привыкла.

От мужиков таких слов я не слышал.

Спустя пару часов за мной пришла медсестра и повела в операционную. Врачи решили попытаться сложить раздробленные кости. Меня усадили на табуретку - нужно было подождать, пока закончат операцию солдату, у которого началась гангрена. Медсестра своей фигурой заслонила операционный стол, прижав к себе мою голову. Я невольно увидел распластанное тело, и мне стало дурно, а правая рука, обхватив, не знаю что, сжалась мёртвой хваткой, и я потерял сознание...

Пришёл я в себя... уже в палате... вся моя рука от плеча до кончиков пальцев была запакована в гипсовую повязку на четыре месяца.

Перед отправкой в тыл эта медсестра пришла со мной проститься. Красивая, стройная женщина лет на пятнадцать старше меня.

- Ну, голубоглазый, посмотри, какую память мне оставил. - И, подняв левую полу халата до обнажённого верха бедра, показала пять синяков-отпечатков (следы моих пальцев). По-матерински прижалась губами ко лбу и ушла...

И, лишь много лет спустя, когда стал мужчиной, я смог в воспоминаниях оценить красоту её стройных ног и женское заботливое сердце.

Всего неделя. Вокруг война. И три женские судьбы пронеслись рядом, оставив в солдатском сердце память на всю жизнь...

Я очень хочу, чтобы ОНИ были счастливы, если война их пощадила до Дня Победы.

Не успев "обмыть" награды...

На Западном фронте после февральско-мартовского наступления 1943 года пришло затишье - распутица сковала движение войск по обе стороны фронта. С рассветом всё замедлялось... Ночью форсировали строительство дорог и лежнёвок, меняли дислокацию дивизии и полков. Артиллерийские дуэли проходили почти каждую ночь. На передовых «НП» вели засечку сполохов выстрелов.

Полковые разведчики уходили в тыл врага. И возвращение редко проходило спокойным и тихим. Часто они прорывались назад с боем. Нейтральная полоса озарялась фейерверком осветительных ракет, пулемётным харканьем трассирующих очередей и массированным миномётным и артиллерийским огнём.

Майский рассвет. Всё прошло спокойно. Пятёрка разведчиков добралась до своего блиндажа. Их встречали командир и начштаба полка. Доложили о проделанной работе.

Подполковник - исполняющий обязанности командира полка, вручил ребятам награды за прошлую вылазку и, разрешив отдохнуть, удалился.

Перед сном ребята решили «обмыть» награды - таков обычай, рождённый войной. Три ордена и две медали улеглись на дне солдатского котелка, и из баклажек заструились «наркомовские» сто грамм... Неожиданный артиллерийский налёт продолжался двадцать минут.

Дымилась гарью огромная воронка на месте, где была землянка... и, не успев «обмыть»...УШЛИ ребята... пав смертью храбрых.

посмотрел на присутствующих, и меня поразило их взгляд - просящий и жаждущий послушать музыку после такого трудного и напряжённого дня.

Разве мог я отказать тем, с кем дни и ночи выполнял боевые задачи, делил опасности, радость успехов и горечь поражений? Конечно, нет! Я подошёл к инструменту, открыл крышку клавиатуры, с которой уже предусмотрено было всё убрано. Опробовал клавиши - к моему удивлению почти все были в порядке, он был даже настроен!

Пока я проверял пианино, кто-то из солдат уже смастерил сидение, используя пустую тару из-под снарядов и мин.

Установилась полная тишина, насколько это было возможно в данных условиях. Мне заботливо поднесли свёрнутую и уже прикуренную самокрутку с домашним табачком.

«Сцена» и инструмент были готовы, оставалось дело за мной!

Через проём вместо крыши было видно, как холодный осенний ветер гнал по небу тёмные кучевые облака, а в просвете между ними тускло мерцали звёзды. Дождь перестал, и мне слышен только вой ветра.

Я еще раз осмотрел уставшие лица и горящие глаза в отблеске света от костра, горевшего прямо в комнате, и понял: надо играть!

Почти не думая, тихо начал песню, которая, только появившись, уже завоевывала симпатии фронтовиков! Это была «Тёмная ночь». Я знал её мелодию, но раньше никогда не играл, и мне стоило большого труда, чтобы подобрать аккорды и правильно её исполнить. Судя по поведению присутствующих, это мне удалось, и уже через несколько минут мелодия замечательной песни уверенно плыла в относительной тишине осенней фронтовой ночи, а подошедшие ближе бойцы, знающие текст, пели её под мой аккомпанемент.

В ночной тишине разносились трогательные душевные слова:

«Ты меня ждёшь и у детской кроватки не спишь,

И поэтому, знаю, со мной ничего не случится!..»

Наконец прозвучал заключительный аккорд, и на какое-то мгновение воцарилась такая тишина, что я даже подумал: «Неужели, пока я играл, все покинули этот дом?..»

Но через несколько секунд сомнения мои развеялись! Послышался один, затем второй, третий хлопок... и, наконец, дружные аплодисменты наших бойцов и еще многих других, подошедших на звуки пианино и поющих солдат.

Так я первый раз исполнил эту песню (музыка Н.Богословского на слова В.Агатова из кинофильма «Два бойца»), которая потом всю мою жизнь была и есть самая любимая!

За военные и послевоенные годы я бесчисленное количество раз слушал эту песню в исполнении различных коллективов и артистов, включая и знаменитостей, но всё же самое яркое воспоминание о ней осталось с той фронтовой ночи, среди обгоревших стен в доме без потолка, без окон и дверей. Обстановка во время её исполнения была такой, какая была задумана в тексте её авторами - настоящая фронтовая тёмная ночь, светящиеся трассы стрельбы над головами, периодический вой и разрывы снарядов и, самое главное - присутствие бойцов, их добрые, сосредоточенные лица, мечтающих о своих жёнах и любимых.

Никакая театральная декорация и постановка не может с этим сравниться. И не случайно песня «Тёмная ночь» стала песней номер один среди всех песен военной поры...

Ну, а мы в ту ночь, закончив привал, ушли в глубину той... тёмной осенней ночи, выполняя свой боевой долг.

И еще долго, долго на марше я видел и слышал, как солдаты тихо напевая, повторяли её мелодию и слова, которые успели запомнить и которые вселяли в них уверенность в победе!!

Михаил Яворский

Поэт, прозаик. Род в 1924г. Рос и учился в г. Омске. Окончил Военное училище г.Томска. Фронтовик - Участник войны с фашистами с 1942 по 1945гг. 30 лет службы в рядах Советской Армии. В настоящее время живёт в Н-Йорке. Рос и учился в г.Омске.

Тёмная ночь

Бывают вечера, когда хочется сесть за пианино и сыграть что-то для души. Теперь это бывает редко, но всё же иногда мы с женой такие вечера проводим. Вот и сегодня... Песни военных лет и нашей молодости... Первое, с чего начинаем, это, конечно, «Тёмная ночь»:

- Тёмная ночь, только пули свистят по степи,

- Только ветер гудит в проводах, тускло звёзды мерцают...

С этой песней связаны особые воспоминания... 1943 год. Украина. Осенняя ночь...

Юго-Западный фронт, где наша дивизия принимала участие в наступательной операции по освобождению Донбасса - городов: Прохасная, Артёмовск, Константиновка, Красноармейск... Далее - форсирование Днепра и освобождение г.Никополя. Немецкие войска, отступая, сжигали на своём пути населённые пункты, в один из которых мы той ночью зашли.

Малый привал. Вместо когда-то уютного в зелени села, остались кирпичные трубы да обгоревшие стены домов, где мож-

но было укрыться от дождя и пронизывающего ветра.

Солдаты выбирали себе место для отдыха и перекура...

Обходя дома, чтобы посмотреть, как устроились на отдых бойцы, я зашёл в один из них и увидел такую картину: на своих вещевых мешках вдоль стен сидели воины, занимаясь нехитрым делом: переобувались, крутили самокрутки, проверяли оружие, а кто-то перекусывал из сухого пайка. Всё было привычным и закономерным, за исключением одного - у стены дома, без крыши, потолка, дверей и окон, стояло обгоревшее пианино, которое кто-то уже использовал как пирамиду для оружия, а на крышке клавиатуры громоздились котелки и фляги. Любопытный солдатик, осторожно приподняв крышку, пальцем старался проиграть какую-то знакомую ему мелодию, и у него что-то получалось.

Увидев меня, парень немного смутился, а затем, оглядев сидящих вокруг бойцов, как бы получив от них согласие, сказал:

- Сыграй, командир, что-нибудь для нас! Он как будто знал, что я умею играть. Я

Ой, да на реке, да на Тече...

(окончание. Нач. в № 9)

2

Вот уже целую неделю Володя провёл на покосе у злополучной речки. Постепенно забылись первые страхи, и всё реже и реже Рошин поглядывал в сторону чёрного леса... «Высох да и высох, хрен бы с ним...»

Лениво думалось ему, час за часом отваливая влево от себя отточенным жалом косы метровые захваты тяжёлой сочной травы. Погода стояла жаркая, и скошенная зелёнка сохла буквально на глазах, становилась блеклой и легкой. Мужики уже некогда было разбегаться враз-вперед - домой и обратно (того и гляди зарядят дожди), и он, соорудив на берегу небольшой шалашик, оставался ночевать в нём. По утренней и вечерней росам Рошин косил, а ближе к полудню, в самое пекло, ворошил и переворачивал подсыхающее сено.

Русский мужик тем более, если природа щедро оделила его силой и трудолюбием, по натуре, наверное, самый доверчивый и бесшабашный, с лёгкостью относящийся ко всему, что выше его понятия и разумения, тем более, если потенциальная опасность не имеет ни запаха, ни вкуса. Одним словом, уже на третий день Володя смело купался в столь испугавшей его по первости реке, собирал и жарил вечерами на раскалённой сковородке собранные под чёрными деревьями необычайно крупные и абсолютно нечервивые белые грибы, растущие здесь в изобилии...

Постепенно, в пойме «Русской Течи», один за другим выросли высокие, тугие, отливающие золотом стожки, для верности обложенные по сторонам березовыми загогулинами...

... Корова издохла под новород. Последние дни она уже не вставала и лишь встречала зашедших в хлев людей - Владимира или Светлану укоризненным взглядом крупных, отчаянно грустных и влажных глаз да громким глубоким вздохом...

- Прости нас, Звездочка! - ластилась к издыхающей скотинке Светлана, подсовываясь к её мягким губам с печеньем или солёной горбушкой, почёсывая завиток светлых волос на крутом коровьем лбу.

... Лучевой лейкоз, несомненно, он. - Подслеповатый пожилой ветеринар, не заходя в дом к Рошиным, сунул в руку Володе какую-то бумагоночку и, уже закрывая за собой калитку, бросил виновато, не глядя тому в глаза. - Ты уж, Вовка, меня не обессуди, но в заключении я о лейкозе, естественно, не написал. Сам понимаешь, ни к чему это... Да и мне лишняя головная боль здоровья не прибавит... Так что... - Ветеринар махнул рукой и, приподняв воротник ветхого короткопалого тулупа, исчез в снежном крошеве...

В эту же ночь вся местная милиция в лице лейтенанта Шкворня, по пояс проваливаясь в хрусткие, тронутые сажей и жаром сугробы, недоуменно бродила вокруг все ещё дымящихся останков некогда добротных стожков.

- Да и хрен бы с ними! Сгорели и сгорели... - легкомысленно отмахивался от надоедливой Шкворни Володя, произвольно приносиваясь к своим пропахшим керосином пальцам...

... Не успели падкие до дармовщинки синицы начисто выклевать вывернутую нутром наружу коровью шкуру, развешанную на штакетнике, как заболел и сам Рошин...

Некогда крепкий, жилистый мужик, вдруг сразу сдал с лица, похудел и ослаб... Большую часть суток он лежал, с тоской глядя в низкий потолок, часто заговариваясь, и лишь иногда ближе к вечеру, видимо через силу и боль, выбирался из постели и, держась за стены, садился перед основательно протопленной печкой ожидать возвращения Светки с работы...

Она приходила, и Володя зарывался осунувшимся лицом в простенький, запорошенный снежной талью воротник ее пальтеца и с мучительной радостью вдыхал чудный запах родной своей женщины и чуть уловимую мяту уральского морозца. В такие минуты Светлана словно замирала, с болью осознавая, насколько быстро сгорает, да, практически, уже сгорел, любимый её человек, насколько он исхудал и полегчал телом... Она прекрасно понимала, что Рошина необходимо срочно поместить в стационар, но Володя (вот же характер!) упрямо отказывался до последнего. Но, с другой стороны, понимая, что необходимую медицинскую помощь ей не найти даже в городе, областном центре, а не только в их поселковой больнице, Светлана особо и не настаивала.

Всё чаще и чаще он заговаривался: в бреду плакал, звал то Светку, то мать, а то переживал, что у них не получилось с детьми... А иногда, напротив - его словно что-то озарило, и он фантазировал, как в юности, когда ещё со Светкой женился...

- Ты знаешь, Светка, - его растрескавшиеся губы кровоточили и, наверное, мучительная боль мешала говорить Рошину так же связно и внятно как обычно. - Ты знаешь, там, на Течи, я лодочку под бережком обнару-

жил. Плоскодонка, конечно, раскопалась мелочью, потекла, но это всё лабуда... мелочи. Я её днями, когда росы высохли, проконопатил слегка, просмолил, и теперь лодочка, как новенькая... Ты знаешь, Светка, я как её увидел, так и решил, что по весне, как только лёд сойдет, а вода еще большая будет, сядем мы с тобой в неё и поплывем... куда река нас повлечет... Хотя до океана какого... - Владимир хрипло, еле слышно рассмеялся, шемно проглотил слюну и, передохнув малость, вновь заговорил, прикрыв лицо полупрозрачными кистями рук...

... А потом, мы с тобой, любушка ты моя, на дно этой лодочки ляжем и будем смотреть и смотреть в небо... на проплывающие облака... Я, Светка, на облака ещё в детстве смотреть любил... красивые они... И если есть Бог (да как же ему не быть, когда я в последнее время всё чаще и чаще с ним по ночам разговариваю), то он, несомненно, где-то там, на облаках, смотрит на нас, и ты знаешь, родная, быть может, даже и любит нас... Хотя не за что, честно говоря, ох, милая моя, не за что...

... Ближе к полуночи, силы полностью покидали больного, и он проваливался в не-продолжительный неровный сон, лишь иногда прерываемый надрывным кашлем, стоном и приглушёнными криками, тем не менее ни на минуту не выпуская Светкиной ладошки из своих горячих рук...

Однажды ночью, словно сомнамбула, Володя поднялся, с трудом подошёл к окну и, прижавшись пылающим лбом к заросшему наледью стеклу и выглядываясь в мигмом побужавшие холодные струйки талой воды, прошептал в полной уверенности, что Светлана сейчас не спит и, конечно, слышит его:

- Ты не бойся, родная, я... я никогда от тебя не уйду... А если уйду, знай - я обязательно к тебе вернусь... Вот увидишь...

С той поры, с той самой ночи, её не оставляла уверенность, что Володя рано или поздно уйдет, сбегит от неё - сбегит так, как иной раз сбегает подышать подальше от своего дома старая, преданная собака, долгие годы верой и правдой выполняющая любую прихоть своего хозяина...

... Володя ушёл будним днём в конце марта, когда долгие дожди буквально за пару дней слизали снег с раскисшей земли, ушёл совершенно неожиданно и, очевидно, даже и без подготовки...

... Полузатопленную плоскодонку обнаружили через две недели в двухстах километрах от станции Муслимово.

3

- Здравствуйте. К вам можно? - Светлана, не дожидаясь ответа, прошла к столу главного редактора. Её промокшие валенки оставили на протёртом полу редакторского кабинета цепочку вызывающе грязных, влажных следов.

Навстречу ей из-за соседнего стоящего несколько в стороне стола резко поднялся, скорее даже вскочил, полный, обильно потеющий мужчина - заведующий отделом связи с общественностью - Гридин (так гласила плексигласовая табличка, стоящая перед ним) и, широко разведя руки, попытался остановить посетительницу:

- Гражданочка, стойте. Вы куда, собственно? Виктор Михайлович сегодня вообще не принимает, вы, можно сказать, вообще его здесь случайно застали... Да кто вы, наконец, прости Господи?

Вышеупомянутый Виктор Михайлович, словно в противовес Гридину, был мужичонка хилый, маленького росточка, с проплешиной на затылке, которую он ежедневно старательно заливал-прикрывал светлыми ломкими волосами, зачесывая их несколько набок. Главный редактор мнил себя демократом и либералом и иногда, особенно на публике, любил подчеркнуть эти качества:

- Оставьте ее, Игорь Олегович. Вы же видите, что у женщины что-то очень важное ко мне. Ведь это правда, голубушка? - произнес он, густым басом, явно любясь собственным великодушием и произношением. - Кто вы, откуда и вообще, поподробнее... Садитесь вот тут, напротив...

Светлана присела на предложенный стул и, расстегнув овчинный полушубок, выудила надвое сложенную помятую ученическую тетрадку с трогательной розовой обложкой.

- Я, Светлана Владимировна Ведерникова... - начала она монотонно, словно читая собственную автобиографию. - Работала в регистратуре нашей районной, муслимовской поликлиники. Работать уже давно, более пяти лет... Раньше... раньше работала участковым врачом, там же, но муж заболел, серьёзно заболел, и мне пришлось перейти на сидячую работу... В регистратуру. А вы знаете, я, честно говоря, даже и не жалею... Зато всегда рядом с домом... И до поликлиники недалеко... И вот что я для вас, люди добрые, приготовила...

Светлана мгновенно мучительно думала и даже попыталась вновь вернуть тетрадку

на место, но в последний миг, переломив последние сомнения, раскрыла её и протянула главному редактору с величайшей ответственностью... Её природный румянец на смуглых щеках, казалось, неожиданно смыла бледная синева страха.

- ...Здесь... здесь все данные, которые я только смогла достать из архива нашей клиники о летальных исходах больных, заболевших онкологическими заболеваниями и заболеваниями крови в период, начиная с 1957 года, года аварии на комбинате «Маяк» и до наших дней... Здесь всё есть: и фамилии, и адреса, и даты смерти и диагностика. Но истинные результаты вскрытий у таких больных обычно на руки родственникам не выдавались, так что подтвердить мои записи трудно... Но это, наверное, и не нужно... Я врать вам и не собираюсь... - голос Ведерниковой задрожал, стал звонким до неприятности. - Зачем мне вам врать? Толку-то? Вовка сначала отговаривал меня во все эти дела лезть, да теперь-то уже все равно, умер он... а пенсию на него мне всё одно не выдадут, не зарегистрированные мы с ним... Так, гражданский брак... Так уж вышло... Да и не о пенсии своей я пришла к вам поговорить... Совсем нет... Но мрут же люди. Много!

И что самое страшное - молодые всё больше, совсем молодые. А в роддоме нашдем что творится?! Я сама не видела, но от подружки - раньше вместе работали, по молодости слышала: сколько ж там мертворожденных, а если живой, то с такой патологией, смотреть страшно! И это в наши дни!?

Женщина устало осматрелась, откинулась на стуле, вытерла платком вспотевшее лицо и только тут заметила, что в кабинете стало тихо, и даже полный, страдающий одышкой Гридин, и тот, казалось, застыл, стараясь дышать как можно тише.

Зато Виктор Михайлович, напротив, вдруг необычайно оживился. Выйдя из-за стола и протянув Светлане свою сухую, небольшую ладошку, он, мечтательно улыбувшись, произнёс громко и торжественно:

- Светлана Владимировна... Дорогая вы наша женщина!.. Спасибо вам, что вы пришли именно сюда, в газету, в редакцию, в рупор, так сказать, возрождающейся гласности и свободы слова! Обещаю вам в ближайшие дни, да что там дни, прямо сейчас - засесть за изучение всех предоставленных вами материалов! От своего лица и от лица присутствующего здесь заведующего отделом связи с общественностью - товарища Гридина, хочу поблагодарить вас за гражданскую смелость, честность и принципиальность! А о судьбе вашей тетрадошки мы сообщим вам лично, как только проверим и перепроверим (а иначе нельзя, голубушка!) ваши сведения...

Под эти прощальные свои слова главный редактор повёл обескураженную и растерянную женщину к двери и, ещё раз крепко пожав ей руку, выпроводил из кабинета учтиво и напористо...

Гридин потянулся к тетради и, с трудом вчитываясь в первые строчки мелкого убористого почерка, с сомнением в голосе спросил коллегу:

- Ну что, будем готовить в номер? - Да вы что голубчик, белены с головы объелись?! - Виктор Михайлович, презрительно рассмеялся в лицо покрасневшему Гридину. - Какой в задницу номер? Вы что, хотите, чтобы нашу газету прикрыли или вас, да и меня вместе с вами, завтра же с «волчьим билетом» на биржу труда выбросили? В номер... Тупица! Звонить надо! И срочно!

Главный редактор подошёл к стоящему на столе ярко-оранжевому телефону и, помедлив мгновенье, набрал, по-видимому, давно известный ему номер.

- Алло... Здравствуйте... Это вас беспокоит главный редактор областной газеты...

Через неделю, под вечер, подпрыгивая на кочках и проваливаясь в колдобины, полные грязной жижи, в село въехала машина - большая и обшарпанная с зарешёточным округлым оконцем... Машина, на которых обычно перевозят заключённых или страдающих психиатрическими заболеваниями...

Владимир БОРИСОВ
г. Москва

Из достоверных источников СМИ: Химический комбинат «Маяк» расположен в закрытом городе Озерск на Южном Урале. До 1990 г. город был известен как «Челябинск-40», а затем - как «Челябинск-65». С 1948 по 1992 год на «Маяке» было произведено 3 тонны плутония-238.

В реку Теча с 1949 по 1956 год было сброшено 76 миллионов кубометров радиоактивных отходов, содержащих смеси стронция, цезия, ниобия и рутения. Около 25 процентов активности давали изотопы стронция-90 и цезия-137.

Загрязнение вдоль реки Теча было настолько большим, что 28 000 человек получили значительные дозы облучения. Самую большую дозу радиации получило население посёлка Муслимово, который не был эвакуирован. В 1949 году там проживало 4 000 человек, сейчас - 500.

Юрий Седов

Наст. Фамилия Фоос - поэт, писатель. Род. в 1937 г. с. Ново-Любино Ново-Любинского... р-на Омской обл.

Имеет высшее техническое образование. Занимается творчеством с юных лет. член Союза Российских писателей. Живёт и работает в Челябинске. Его стихи звучали по «Радио России» и Челябинскому телевидению. Автор нескольких книг. Публикации в различных местных, столичных и зарубежных изданиях (журналы - «Волга», «Юность», «Урал», «Смена», югославский «Zivot», альманахи «Поэзия», «Сибирь», «Каменный пояс», «Урал» и т.д.). Лауреат премии им. П.П. Бажова

* * *

Наверно, и они успели уйти так далеко, что мне, плетущемуся еле-еле, их не догнать в минувшем дне.

И, значит, завтра вновь с рассветом спешить, глядеть за край земли, надеяться на свете этом в дорожном зное и пыли

увидеть снова день прощанья, прощенья испросить и снять с души свинцовую печать...

Я вижу их - отца и мать, бегу и не могу поднять глаза от тяжких слёз свиданья.

* * *

Ни обиды, ни скорби, ни муки, только странные сны по ночам, только леса привычные звуки, словно время, угасшее там,

умоляет листву не спешить, а кузнечиков петть подбивает, словно лета бесплотная нить не истлела, лишь день убывает...

Только сны, заслонившие свет, только длинные лунные тени... И зовут ледяные ступени в дом, роднее которого нет.

Там, как встарь, открывают окно, окликают и дверь отпирают, и не помнят, не чают, не знают, что бывшее лишь вечным дано.

Конец Пути

Вот они - белые стены, белое небо... Прости, Господи, гнев и измены тщетных исканий пути.

Кончились вздохи и слёзы... Если б ещё иногда - детства живая вода, долгих пролесков берёзы!..

Солнце земное, спали память! И - крест. И - молчанье, тягящий поклон до земли - прошлой судьбе на прощанье.

* * *

Говорили журавлям: - Колесом дорога.... Ну, а нам? Кто скажет нам то же? Кроме Бога некому. Мы в должный час, затаив дыханье, полетим туда, где нас ждёт опять молчанье.

Денис Коновальчик

Поэт, журналист, бард. Род. в 1975г. Член Союза Журналистов России. Основатель и куратор проекта «ЛитМагнит». Имеет множество публикаций в СМИ. Программист. Живёт в г.Магнитогорске Челябинской обл.

Осень Пушкина

Все сменяется в природе:
Стужа - зноем, дни - ночами,
Мы по замкнутому кругу
Мчим неведомо куда...
Только одиноко бродит
Осень Пушкина меж нами,
Строк нечаянных подруга,
Снов чарующих гряда.

Ей неведомы преграды
В сумасшедшем мире этом.
С ней столкнешься ты случайно
И на миг сойдешь с ума.
И в стихе прольется радость,
Что завещана поэтом,
И любви святая тайна,
И видений кутерьма.

Одинокая усадьба
Замерла в немом вопросе-
Почему осечки не дал
Злой дантесовский курок?
Нам, живущим, не предать бы
Заблудившуюся осень,
Опрокинувшую небо
Неиспитой чашей строк.

Откровение

Заберись на скалу, что взметнулась
Великой стеной,
Навести тот причал,
где пасутся крылатые кони,
И, шутя, в никуда опрокинется
купол земной
И откроет места сокровенные,
как на ладони.
Над тобою нависнет
непонятый вечный предел,
И очертится тайна,
что в сумрачном мире хранится.
С высоты, как и ты,
на него только месяц глядел -
Одинокий философ с бессонницей
в звездных глазницах.
Он увидит тебя и поймет...
Кроток, статен, могуч,
Над твоей головой воссияет
в полночном убранстве
И протянет, как руку на дружбу,
серебряный луч -
Ухватись за него и повисни
в безбрежном пространстве.
Чтобы вдруг, как знаменья,
среди бала комет и планет
Над мирской суетой,
где желанные встречи так кратки,
Ты почувствовал свет -
тот неясный и призрачный свет -
И в мгновение понял,
что ближе стал к вещи разгадке.

Наталья Гордеева США

Пью тебя каплями

Пью тебя каплями, дозами малыми,
всё собираю снежинками талыми.
счастье двоих, роковое предание,
шовчиком к шовчику – воспоминания,

пазл* надежды, картинку беспечную
там, где вдвоём лишь с тобою навечно мы,
миленький мой, ты же знаешь, родной,
я хоть сестрой.... хоть женой... за тобой...

взглядом жгу спину, да вслед бормочу,
ангелам тайные суры* шепчу,
лишь бы хранили тебя от беды,
чтобы дороги туда, где есть ты...

мало мне каплями, жалкими дозами! -
мне тебя надо весенними грозами
больше и ближе - в самом предсердии! -
Богу ли? Дьяволу? Миг - за бессмертие! -

всё, что попросят в обмен на желание
счастья короткого, вечно дыхание...
мне тебя надо безумными дозами,
грозами.... грозами.... майскими грозами!..

Пазл - (англ. puzzle) загадка-головоломка-мозаика, задача в которой - собрать целую картинку из множества деталей различной формы - изобр. Джон Спилсбер 1761г.
Суры - 1) главы Корана. 2) В инд. мифол., особый класс божеств (Suras).

Полёт

Это не наше небо... Ты видишь, одна луна?
Видишь, как птицы
нам смотрят вслед с диким испугом?
Нас не туда забросила пятая сторона,
нас повело совсем не тем изогнутым кругом.

Значит ли это, что где-то, далеко позади
кто-то из серого клана безжалостно предал?
Это иные дороги и чужие пути,
я за две тысячи зим так хорошо не видел!

Чаще размах, дружисе,
мимо застывших сфинксов,
дальше от острых шпилей
и ближе к большой воде.
Это не наше море... Видишь, луна повисла?
Видишь, какие зелёные волны?
Значит - к беде!

Нас настигает ветер... мы с тобой два изгоя,
нам ли бояться смерти, если есть два крыла,
если сверкают иглы, если нас всё же двое?..
Это не наши братья... это не наша война...

Бабье счастье

Странные люди, но мы никому не скажем,
как улетаю на закат звездолёт фанерный,
слёзы закрасим, раны украсим плюмажем,
самые необходимые примем меры.

Только не плачь, ну чего тебе в том Париже?
Ты же сама шептала, что он самый-самый!..
Вряд ли любовь когда-либо делала ближе,
вряд ли она вообще не кончается драмой.

Мне ли учить тебя, мне ли тебе объяснять,
сладкого бога лепить из халвы вчерашней?
Я не могу запретить тебе впредь доверять,
или тоску твою жуткую сделать изящней.

Я не сумею найти даже нужных строчек
чтобы тебя сейчас, ну хоть как-то, хоть чем-то.
Хочешь, давай рванём с тобой к морю...
а, впрочем,
я сомневаюсь, что кончится всё хэппизндом.

Слепишь себе ведь
по-новой фрэнда-кумира,
с новыми силами,
чтоб - на старые грабли
в поисках «благородного в белом»
банкира -
бабьего счастья попьёшь
до последней капли.

Береги детей, мать!

Это из книги «Последние письма с фронта - 1942» В этом, втором томе, последняя открытка моего отца Лезинского Леонида Самойловича...

«Дорогая Бэлла, Миша, Валя!
Сообщаю, что я жив и здоров, чего и вам желаю. Псылаю вам открытку с точным адресом: 1712 полевая почта, часть 143. Точно так и пиши. Вышли, если можешь, табачку. Могу вытерпеть все: голод, как в тридцатых годах, холод, как в финскую войну, но пытку без курева... В нашей мясорубке, перемальвающей армии, без крепкой затяжки не обойтись. Я одалживался табачком у командира роты, а его вчера разорвало снарядом... Ноет раненая нога: к погоде и к приближению пули. Нет, на гражданской полегче было. Еще раз прошу, срочно высылай табачку или махру. А еще лучше - самосад-горлодер. Не вспоминай те дни, когда я курил исключительно «Беломорканал», теперь пробую листья с птичьим пометом. Да, вложи в посылку пару головок чеснока - десны стали припухать.

Все, многого на почтовой открытке не напишешь. Береги детей, мать! Твой Лёня.
19 ноября 1942 года»

Приведенная выше фронтовая весточка была послана по адресу: Верхняя Тавда, Свердловской области. Там мы с мамой - Бэллой Моисеевной и сестрой - Валентиной Леонидовной, находились в эвакуации. А потом получили похоронку: «Старший сержант Л. С. Лезинский погиб в бою 27 ноября 1942 года и похоронен неподалеку от деревни Поповка, Вельского района Смоленской области».

Уже после войны я встретился с однополчанином отца Сергеем Ивановичем Васне-

Вино победы нашей

Я много лет был знаком с Рафиком Акоповичем. Был... Он умер на ходу. В мирное время. Пришел на минуточку и - больше не встал.

Рафик Айрапетян еще мальчишкой в составе комсомольского отряда гонялся за бандой Караджи-оглы (памятка у него об этом времени - шрам на спине от удара шашкой).

Айрапетян хорошо знал крымские леса - до войны был заядлым охотником, а потом, готовясь к партизанской войне, исходил все тропы с руководителем Центрального штаба партизанского движения в Крыму - Алексеем Васильевичем Мокроусовым. Пишу эти строки и рассматриваю фотографию партизанского проводника: молодой, красивый. На нем - ватник, поверх - брезентовая куртка и такие же брюки, на ногах - постолы, затянутые сыромятными ремнями. Обвешан патронташами, в руках - карабин. К ноге («Так удобней», - объяснял мне Рафик Акопович) привязана морская кобура - просматривается рукоять нагана, на поясе - гранаты и кинжал.

Он всегда считал себя старым солдатом, всегда считал себя человеком суровым. Но почему же, когда партизаны-ветераны и те, многочисленные солдаты, которых он привёл в Севастополь, а потом выводил из захваченного фашистами города, вспоминают о нем с теплотой? Вспоминают о человеке, добрее которого не было на свете?..

К Рафику Акоповичу я и пришёл, когда собирал материалы для документальной повести о пограничниках, защищавших Балаклаву. - Акопыч, не помните ли случайно солдат майора Изугенева, которых вы вывели в осажденный Севастополь?

Айрапетян молча достал письмо и протянул мне.

«Многоуважаемый Рафик Акопович! Пишет бывший пограничник А.П.Изугенев, которого с большой группой вам довелось выводить с базы Мокроусова к Севастополю. В то время я был майором и носил кожаную куртку... С базы Мокроусова мы спустились вниз, но неудачно и вынуждены были подняться вновь к дому лесника, где и встретили вас. С тех пор прошло двадцать шесть лет, и много забылось, но вашу фамилию запомнил на всю жизнь потому, что многие обязаны вам тем, что живут сейчас на белом свете.

Я считал вас погибшим и поэтому все годы не разыскивал, но вот месяца полтора назад я был в Севастополе и в «Диораме» дали ваш адрес...

Вот пока и все. С искренним приветом, Изугенев».

Рафик Акопович неожиданно говорит: - А ведь встреча с изугеневцами могла закончиться трагически. Они (до сих пор себе простить не могу!) заметили меня первыми и взяли на мушку. Шевельнись и - крышка! Вижу, из-за кустов показался ствол автомата и команда: «Хонды хох!» Тут-то я сразу сообразил: так безбожно коверкать немецкий язык могли только свои! Огрызнулся:

- «Руки вверх!» Еще чего захотели! Автомат в кустах описал дугу.

- Кто такой?!

- Хозяин крымских лесов!

Поняли пограничники, что немчура так отвечать не станет. Показались. Ко мне подошел майор Изугенев. К куртке у него еще орден «Знак почета» был привинчен, и спрашивает:

- В Севастополь мог бы провести, если ты действительно хозяин леса?!

- Смог бы. Но без разрешения Мокроусова шагу не сделаю. Этак, по просьбе, я всю

армию Манштейна в Севастополь проведу. Он рассказал о последнем бое своего фронтового товарища. Отец с горсткой бойцов был прижат фашистами к единственному уцелевшему блиндажу. Кончились патроны. Гитлеровцы снова пошли в атаку. Когда они пытались захватить красноармейцев в плен, раненый старший сержант Лезинский гранатой подорвал себя и окруживших его фашистов.

После войны Бэлла Моисеевна работала на Сеgezжском целлюлозно-бумажном комбинате. Валентина Леонидовна трудилась диспетчером морского порта на Крайнем Севере. Сейчас они на пенсии, живут в Севастополе. (В данный момент все - в Израиле! А мать - в израильской земле! - М.Л.)

Я в 1947 году закончил ремесленное училище в городе Сеgezже Карело-Финской АССР. Долгие годы работал электриком. Живу в Севастополе. Последние годы занимаюсь литературным трудом. В различных издательствах страны вышло более десяти моих книг. Почтовая открытка командира отделения 738-го стрелкового полка 134-й стрелковой дивизии (Штрафбат - М.Л.) старшего сержанта Леонида Самойловича Лезинского оказалась последней. Больше писем его семья не получала.

Отец родился в 1902 году в Екатеринославле (ныне Днепрпетровск). В годы гражданской войны командовал партизанским отрядом. Участвовал в советско-финляндской войне, был ранен в ногу. В первые дни Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию. Воевал на различных фронтах. К сожалению, его письма того периода не сохранились, и нам не удалось проследить боевой путь отца.

Это уже не из «поминальной» книги «Последние письма с фронта»...

Об отце я много чего написал. Даже один роман - признание («...И стал бы уголовником»... Помню, всё помню, помню родителей своих, помню их молодыми...

армию Манштейна в Севастополь проведу. - Ну пошли к твоему Мокроусову, - улыбнулся Изугенев.

...Дал Мокроусов разрешение и вывел Рафика Айрапетяна пограничников к Балаклаве.

Попутно Рафик Акопович мне и рассказал, как он со своими ребятами встречал Новый год. А потом многочисленные его друзья дополнили рассказ.

Последний день декабря 1941 года партизаны встретили у Байдарских ворот. Близился Новый, 1942 год...

- Эх, - сказал командир партизанского отряда, - Новый год, а я даже лишний сухарь выдать не могу.

Партизаны голодали. Ямы с продовольствием, спрятанные в начале войны в горах, предателями были выданы фашистам. И тут встал Рафик Айрапетян.

- Прошу в кустики! Для вас приготовлен райский обед!

Действительно, за кустами была растелена плащпалатка - самый, что ни есть, «новогодний стол»

- Угощайтесь! - Айрапетян указал на котлеты. - Фирменное армянское блюдо, скомпанованное из сухарей личного неприкосновенного запаса и лошака генерал-полковника Манштейна. - Прошу наполнить бокалы, друзья!

И произнёс свою самую «длинную» новогоднюю речь-тост:

- Есть закуска и есть что выпить!..

На «новогоднем столе» появились чёрствые лепёшки и котлеты из конины. В солдатские кружки Рафик накапал всем по пять граммов спирта и до краёв дополнил кружки отваром шиповника.

- За Новый 1942 год! За Победу!..

А потом Рафик Айрапетян сказал: - Когда кончится война, я угощу вас настоящим шампанским. Нет, нет, не тем, которое вы знаете, я сочиню для вас новое вино, которое будет напоминать о пройденных дорогах и победах!..

И Рафик Айрапетян сдержал слово. Он создал новый сорт «шампанского», которое назвал «Севастопольское игристое». Это «шампанское» не похоже ни на одно из вин.

В сентябре 1969 года в Грузии проходил мировой конкурс по качеству вин. Члены жюри - представители разных стран, как сегодня говорят - дальнего зарубежья, дегустируя вино, не знали, чьего оно производства, и были объективны в оценках. Золотую медаль присудили «Севастопольскому игристому», и к Айрапетяну пришла мировая слава. А сам Рафик Акопович, выступая на солидном форуме виноделов в Ялте, сказал:

- Мы не думали о славе, выпуская «Севастопольское игристое», мы хотели создать новый сорт вина, достойный победителей над фашизмом, и вся партия была выпущена ко Дню Победы 9 мая 1963 года!..

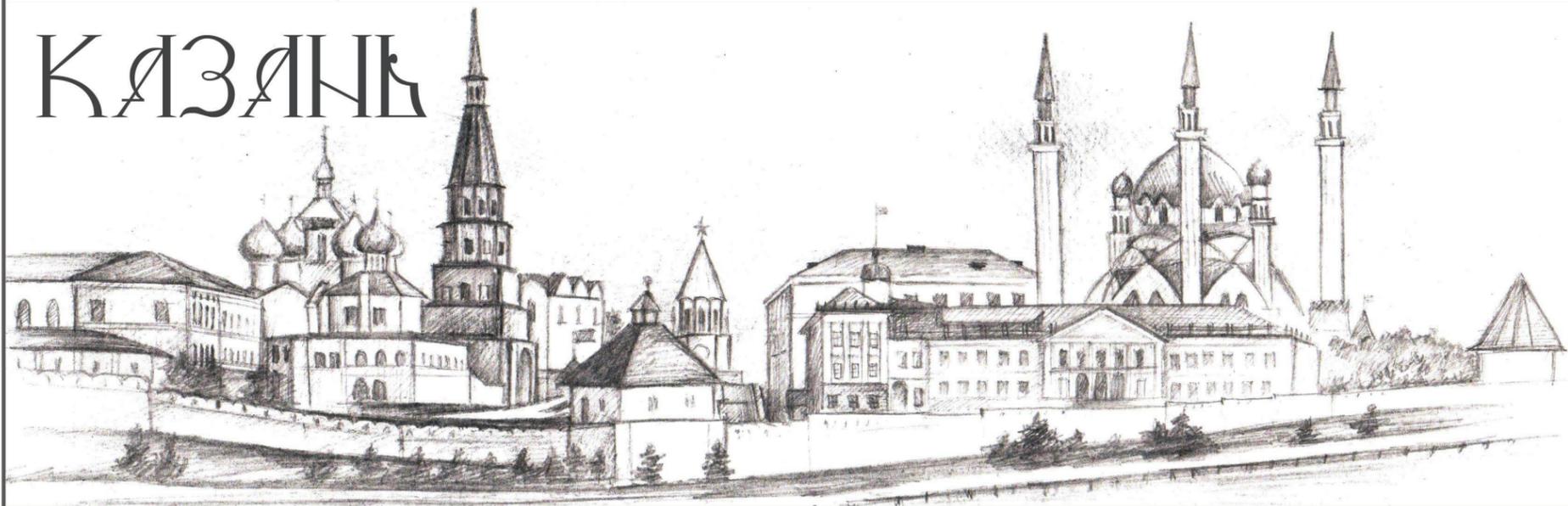
Своим многочисленным друзьям, живущим в Киеве или в Москве, в Санкт-Петербурге или в Риге, а сегодня - в Тель-Авиве или в Хайфе, в Хадере или Нетании (и в других городах), в подарок всегда привозил бутылку «Севастопольского игристого», и это было «гвоздём» любого обильного заграничного стола.

Когда я приехал в Израиль на постоянное место жительства, привёз только одну бутылку - для себя. И то мне её самому дали по благу, то есть, по знакомству - вся партия «Севастопольского игристого» уходит на экспорт. В Германию.

Михаил ЛЕЗИНСКИЙ
Израиль

КАЗАНЬ

Казань – столица Республики Татарстан – один из самых древних, самобытных городов мира. На ее семи холмах закручивались исторические сюжеты не менее лихие, чем на других великих семихолмах мира – Москве или Риме. Тысяча лет складывалась история земли казанской, расположенной на границе Востока и Запада.

Многогранна палитра литературной жизни Казани: здесь живут и плодотворно работают татарские и русскоязычные писатели и поэты, большими тиражами издаются литературно-художественные журналы на русском и татарском языках, работают литературные объединения, учреждено несколько республиканских литературных премий, проводятся литературные вечера и творческие встречи писателей с читателями.

Сегодня мы знакомим вас лишь с несколькими русскоязычными литераторами Казани. Все они входят в Секцию русской литературы и художественного перевода Союза писателей Республики Татарстан. Авторы очень разные: и по возрасту, и по творческому почерку. Их отличительной чертой, как и всех русскоязычных литераторов Татарстана, можно назвать то, что они следуют, в основном, канонам классической прозы и классического стихосложения. И еще особенность русскоязычной литературы Татарстана в том, что она испытала и испытывает на себе множество влияний национального, религиозного, общекультурного характера, связанных с особенностями географического и социально-культурного положения нашей республики. Тема Востока и Запада, их взаимного влияния всегда присутствовала и присутствует в русской литературе Татарстана. Это значительно отличает её от русской литературы других российских регионов.

Надеемся, что даже краткое знакомство лишь с толикой многочисленной плеяды писателей и поэтов Казани, потянет вас увидеть Казань воочию и познакомиться с нашими поэтами, писателями просто с жителями. Мы будем вам рады.

Очкарик

Юный крокодил, о котором пойдёт речь, был очень добрый (что не всегда отличает крокодилов). Но при этом ужасный озорник.

Больше всего он любил пугать беззаботных купальщиков, выскакивая с ними рядом из воды. После чего, довольный произведённым эффектом, с шумом плюхался обратно, а купальщик пулей вылетал на берег: мальнишка, нырявший с камня (настоящий крокодил, хоть и маленький, – это вам не какая-нибудь Чёрная Простыня!); хорошенькая дама с журналом мод на водном велосипеде (или с журналом мод на модном?); рыбак, у которого только что клюнуло (он долго потом ловил рыбу исключительно в магазине); утка с утятами («Крякодил! Крякодил! Крякой ужас!..»); учительница математики (как вы думаете – успела она сосчитать у выскочки зубы?), почтальон (целый месяц после этого он приносил письма вовремя, потому что перестал купаться по дороге), кок с большого теплохода (если б вы знали, какой гадостью он кормил пассажиров!), взвод солдат (команду «Бегом!» они еще никогда так дружно не исполняли)... А кроме того, торговец мылом, секция каратистов вместе с тренером, рекламный агент фирмы «Надувной друг», директор рынка с супругой, индус с индюшкой, одиннадцать туристов, трое сбежавших из тюрьмы грабителей, двое детективов, которые их разыскивали, и даже один отважный охотник на акул, прибывший на отдых в безопасное место.

И всё бы ничего, если бы наш озорник при этом не тарачил изо всех сил глаза. Потому что у него в конце концов испортилось зрение, и родителям пришлось приобрести для него очки.

Стоило ему надеть их, как всё переменилось.

С одной стороны, приятели начали дразнить его Очкариком, что ему вовсе не нравилось.

А с другой – у берега всё тоже стало не так, как раньше. Ведь одно дело, если из воды выскакивает самый обычный крокодил, и совсем другое, если этот крокодил – в очках.

Маленький крокодил в больших очках!

Теперь всякий, кто ему попадался, только вздрагивал от неожиданности – и тут же начинал смеяться. А некоторые даже хохотать! Девочки, игравшие в мяч (у них тут же победила дружба); старичок с толстой книжкой на плавучем матрасе (он – то есть старичок, а не матрас – уронил книжку в воду, так и не узнав, кто похитил королевские бриллианты); рыбак, только что поймавший карася (этот карась так заливался, что даже слетел с крючка), кухарка, чистившая пещком большую кастрюлю (старый рак потом соорудил себе из этой кастрюли отличный дом); лягушка с лягушатами («Квакодил! Ква-акой ква-ассный!..»); местный фотограф (он, между прочим, проявил хладнокровие и успел щёлкнуть затвором. Фирма, которая выпускает большие очки, отвалила ему за этот снимок кучу денег); жених с невестой, которые, невзирая ни на что, продолжали целоваться (представьте: «Чмок – ха-ха!.. Чмок – хи-хи!..»)... А вдобавок мороженщица, бармен из ресторана, фокусник из цирка, телевизионный диктор, говорящий попугай, дюжина бродячих собак, трое грабителей (уже других), двое детективов (тех же самых) и даже дорожный полицейский, который вообще-то улыбался, только когда брал с кого-нибудь штраф.

Не смеялся лишь один маленький мальчик. Он был чересчур мал, чтобы понимать, что такое очки.

Но Очкарику уже гораздо больше нравилось смеяться, чем пугать. И в следующий раз он специально для этого мальнишка надел короткий клетчатый пиджачок, а на голову – сомbrero. А ещё нацепил на нос большую красную нашивку. А ещё научился играть на губной гармошке крокодильскую детскую песенку про аллигатора, евшего только травку.

И у него всё получилось! Потому что мальчик, несмотря на свой возраст, уже знал, что такое Клоун.

Сейчас они большие друзья.

Крокодил до сих пор выступает перед береговой публикой со своим замечательным номером, придумывая каждый раз новые забавные трюки.

На афишах у него написано:

ОЧКАРИК! Единственный в мире РЕЧНОЙ КЛОУН!

И ему совсем не обидно.

Рустем Кутуй

Из цикла «Сюрреалистические этюды дня и ночи»

Пробуждение

Осыпала сосна иголками,
Гладила по волосам.
Еще были какие-то голоса,
Набегающие волнами.

Я переходил ночь
По шаткому мостику
К себе, бывшему, в гости,
Плавали кувшинки, лилии
Лини пыли.
Подходила лошадь
Дыханием бархата,
Чернела пахота...

Крепко спалось
На жесткой скамье.
Было так тихо
Часики тикали себе тикали,
Никто не прикасался ко мне.

Мать, безгласная,
Сияла в небесном окне,
Как в избе полутемной икона.
Годы кружили,
Словно влажные в травах кони...
Вот и погостил, погостил!
На погосте.

А люди сказали: извалялся в соре.
О-о-о, Господи, прости!
Хорошо-то как на просторе
Баюкать горе.

Наиля Ахунова

Пусть ветер с Казанки
Проветрит мне душу,
И я успокоюсь,
Обет не нарушу.

Судьба не индейка,
В руке не синица -
Мне выпало
Белой вороной родиться.

А снег всё идёт
И не думает таять...
Мне б только дожить
До цветущего мая.

***

У ангела-хранителя
Бессонные глаза,
Печальная улыбка,
Жестокая стезя:
Быть вечно
Нежным ангелом,
Природе вопреки,
Быть вечно
Вольным странником,
Ворон кормить с руки.
Быть верным
Белым ангелом –
Хранителем моим,
Когда-нибудь на небо
Мы вместе полетим.

В прошлом году нашей Республиканской детской библиотекой Республики Татарстан проводился конкурс детской поэзии «Рыцари пера». Всего в конкурсе приняло участие 2529 авторов. В первой номинации («Юный поэт») участвовало 1066 детей, во второй («Подарок книге») – 1463.

Очень обрадовало большое количество ребят, принявших участие в номинации «Подарок книге». Они составляли поэтические отзывы на свои любимые книги.

Все ниже опубликованные авторы – школьники из разных районов Татарстана. Их стихи получили высокую оценку не только сверстников и библиотекарей, и педагогов, но и профессиональных поэтов. Быть может, их стихи вам, дорогие читатели, покажутся несовершенными, но, возможно, многие из нас вспомнят любимые книги и будут внимательнее относиться к творчеству детей и к воспитанию в них интереса к чтению.

Евгения Шемелева

Представитель газеты «Провинциальный Интеллигент 1»

Галяутдинов Роман

Учится в физико-математическом классе лицея №12 г. Лениногорска Республики Татарстан. Любит компьютерные игры, чтение. Любимые виды спорта: футбол, хоккей.

Часто перечитывает самые любимые книги: А.Дюма «Три мушкетёра», А.Конан-Дойл «Собака Баскервилей».

Три мушкетёра

Я беру в руки книгу,
Её сюжет уже знаю,
Но каждую интригу
Заново переживаю.
Век незнакомый откроем -
Балы, красивые дамы...
Я вновь со своим героем
Скачу за подвесками Анны.
А рядом три верных друга,
Три сильных плеча, три шпаги -
Не выйти из этого круга,
Где правит сила отваги.
Здесь честь превыше позора:
Кодекс неписанных правил.
Здесь подлеца и вора
Клинок на колени ставил.
И книгу уже не оставить,
Я вижу опять Атоса.
Меня улыбнуться заставит
Наивность и сила Портоса.
Шпага служит гарантом
В достижении цели,
И грамоту лейтенанта
Отдаст Ришелье в Ля-Рошели.
Конец - королевская служба.
Книгу со вздохом закрою.
Но, как помогает дружба,
Я навсегда усвою.

Радченко Александр

Ученик гимназии № 1 села Рыбная Слобода Республики Татарстан.

Увлекается рэп-музыкой. Нравятся стихи М.Цветаевой, Б.Пастернака, А.Пушкина, М.Лермонтова. Одна из любимых книг – «Звездные войны».

Поэтические отзывы – фантазии:

на книгу Р.Фраермана
«Дикая собака Динго,
или Повесть о первой любви»

Не обижайся, а послушай –
Ведь я у осени в плену.
Мне дождик, словно нити, в душу
Свои дождики протянул.

Бреду по улицам зеркальным,
По плитам мокрых мостовых.
Деревья все в наряде бальном,
В узорах нежно-золотых.

И, словно в чудной книжке Грина,
Не в сказке вовсе, наяву,
Трамваи, будто бригантини,
По рельсам медленно плывут.

Афиши плачут свежей краской.
А в лужах - небо и листва.
Что это – явь, а может - сказка?
Нет, просто осень, ты права.

На книгу В.Железникова «Чучело»

Выловили сетью,
Залепили рот.
Выскочки, зазнайки –
Кто их разберет.
В душном, зловонном классе
Мне не продолжить.
Мне б дожить до деда –
Воздуха глотнуть.

Зиятдинов Дамир

Учится в Кайбицкой средней школе Буинского района Республики Татарстан.

Любит читать книги, занимается спортом.

Читая Пушкина

Всё в мире стихло,
Замолкли птицы –
Листаю с упоением я
Любимых книг страницы.

Бушует ветер над землёй,
Листы с дерев срывает
И в море паруса упруго надувает.
Вот-вот сорвётся с места мир
И вдаль умчится.
А я листать не устаю
Любимых книг страницы.

Чу, слышу голоса,
Вступаю в жаркий бой,
И книжные друзья
сражаются со мной.
Как пушкинский Руслан,
Я мчусь, мечом сверкая,
И исчезают дебри зла,
Добру и красоте дорогу уступаю.
Но гаснет свет дневной,
И засыпают птицы,
Пора и мне, но не могу закрыть
Любимых книг страницы.

Александра Кашина

***
Каллиграфия дней –
я рисую чудные узоры –
Мой учитель оставил
всего лишь улыбку на память,
Значит, снова самой делать завтрак,
сворачивать горы
И пытаться понять,
чтоб потом не пытаться исправить.
В вечном будничном сне,
в перебранке домов и прохожих
Я рисую себя на маршрутном,
замерзшем окне,
Я когда-то могла то,
что кто-то когда-нибудь сможет –
Улыбаться другим
и не таять, как снег по весне,
Оставлять на потом
ошалевшие в беге секунды,
Я сжигаю мосты,
я опять изменила сюжет.
Я рисую тебя –
сумасшедшего в образе Будды,
И ты тонешь в нирване,
как будто в дыму сигарет,
Ты уходишь в себя,
улыбаешься тихо, нелепо.
Завтра будет весна,
как обычно, и как в первый раз,
Снова мчится земля,
тихо дремлет далекое небо,
Я рисую себя в уголках
твоих искренних глаз.

***
Вперед! На улицу! Под снег!
Под дождь, под ветер и под солнце!
Какой-то странный человек
Так заразительно смеется.
Идет вперед или назад,
Или навстречу новым судьбам,
А отраженьями в глазах
Все те же лица, те же люди,
Все те же мысли и слова,
Все те же чувства колоритом –
Уж если в лес, так по дрова,
А если к богу, так с молитвой.
И если шаг, то сразу в бег –
И все торопится, несется.
А где-то рядом человек
Так заразительно смеется.

***
Мой милый актер, пишите сказки!
Они вам к лицу, или к лицемерью.
Меняются роли, срываются маски,
А я Станиславский! Не верю! Не верю!
Билеты распроданы к новой премьере,
Но тем повезло, кто остался за кадром,
А здесь жизнь идет по законам театра:
Для каждого Моцарта будет Сальери,
Для каждого Гамлета будут вопросы...
Ответы же скроют немые кулисы,
За ними застынут в безжизненных позах
Фанатик-актер и смешная актриса.

***
Я встретила тебя в потоках общежитий,
В особняках-мажорах,
в хрущевках-побирушках.
Наш город полон встреч
и ветреных открытий,
А зажигалка-страсть
детिशкам не игрушка.
В глумлении машин
над темпами двуногих,
И в перебранке строек,
и в перекличке крыш
Мы встретились с тобой,
до боли одиноки.
Мы встретились с тобой.
Ну что же ты молчишь?

Мир для Лапкина

Этот мир придумали малыши, игравшие в песочнице. Вернее, сначала они придумали самого Лапкина.

Лапкин был зверьком, похожим на ёжика. Только вместо колючек на его спинке торчали зелёные травинки. Зверёк смешно водил носиком и фыркал. Конечно, он был понарошку. Но дети всё равно его любили.

– Какой хорошенький!
– Давайте придумаем для него город! – предложила Маша.
– Нет... Смотри, как он любит бегать! Ведь в городе много машин, они могут его задавить.

– А мы придумаем такой город, где нет машин.

– Надо не город, а целую страну! В ней будет сто о-о-лько места! Бегай, где хочешь! – сказал Петя.

– Правильно! Страну!
– А вот и неправильно! – заявила Таня. – Страна – это тоже мало. Мы должны придумать мир для Лапкина.

– Мир? Но ведь мир большой-большой, нам его никогда не придумать!
– Попробуем!

Все стали думать.
– Там будет розовое солнце, – начала Маша.

И ребятам показалось, что солнце в небе порозовело.

– И сиреневое небо с зелёными облачками! – подхватила Таня. – А трава будет оранжевая!

– Цветы зелёные... – неуверенно подал голос маленький Коля, которому понравилась игра.

– Таких не бывает! – возмутился Петя и тут же улыбнулся: – Конечно, зелёные!

Лапкин был в восторге от своего мира. Он весело бегал по всей песочнице, пыхтя и подпрыгивая.

– Где он будет жить? – спросил Коля.

– Наверное, в домике, – сказала Маша. – В жёлтом домике с красной крышей и тремя окошками.

– Большой дверью и крылечком с перилами! – добавил Петя. – Перед домом – лужайка, и по ней ползают синие муравьи!

– Муравьи-то зачем? – удивилась Таня.

– Как зачем? Кушать!

– Нет, муравьи будут просто так, – Коля не любил, когда кого-то кушают. – У Лапкина на завтрак розовое молоко, на обед суп из полосатой морковки, а на ужин...

– Каша из тучи! – засмеялась Маша.

– Как это – из тучи?

– Вот так! Из тучи! Это же не настоящему!

Дети представили себе кашу из тучи.

– Вкусная... – протянул Петя, и все вдруг проголодались.

– Давайте пойдём домой, а завтра придумаем всё остальное, – решила Таня. – Лапкин нас подождёт.

– До свиданья, Лапкин! – помахал рукой Коля.

Малыши разошлись по домам, продолжая строить в воображении огромный мир, о котором пока никто, кроме них, не знал.

А Лапкин сидел в своем жёлтом домике с красной крышей, ел кашу из тучи, смотрел на синих муравьёв и мечтал. Он придумал маленькую пушистую зверушку Лапочкину. И Лапочкиной тоже нужен был свой мир.

«Вот придут завтра мои друзья, которые меня нафантазировали, – улыбнулся он, – попрошу их, чтобы и для Лапочкиной что-нибудь построили...» Розовое солнце потихоньку садилось. Мир Лапкина засыпал, чтобы, проснувшись, стать ещё больше и красивее.

Сколько же таких миров существует? Должно быть, не сосчитаешь...

Ольга ОВЧИННИКОВА

Алена Каримова

Родилась в 1976 году в г. Кызыл-Кия Ошской области. Живу в Казани.

Публиковалась в журналах, «Новый мир», «Дружба народов», «Казань», «Юность», «День и Ночь», «Литературная учеба» и др.

Автор сборника стихотворений «Другое платье», за который в марте 2007 года получила Казанскую литературную премию имени Горького.

Была участницей Фестиваля современной поэзии памяти Бориса Чичибабина (Харьков, 2004), нескольких Форумов молодых писателей России в Липках (по результатам 5-го форума стала стипендиаткой министерства культуры РФ), 41-го Пушкинского праздника (Пушкинские горы, 2007), 10-го международного биеннале поэзии в Валь-де-Марне (Париж, 2009) и т.д. Лауреат Первого Форума молодых писателей Поволжья (Саранск, 2006).

***

Мир неправильный, как речной голыш, –
весь в щербиночках, мелких трещинках.
Почему тогда мне мерещится:
что ни сделаешь – все Судьбу творишь.

Вот выплакиваешь, вот выщезиваешь –
ан, смотри – она и придет, дрожа...
Все играешь, да? Все послезиваешь?
Берегись воды, берегись ножа.

Лучше рожь посеи, лучше дом построй,
разводи овец да гусей, да кур,
мефистофельский убери прищур,
не смущай людей болтовней, игрой.

Им и брат не друг, им везде война,
и летят, летят поезда во тьму,
кто кому жена, где моя страна,
все б не так должно по уму...

Но ума-то нет. Только сердце есть,
да и то болит, нету силы в нем,
кабы нам бы с ним, кабы мы вдвоем...
а и с ним раздор.

***

Какой большой бедой звучало «ни-
когда», но вот уже смотри, совсем не
больно – скучно...

Железные пути, дорожная вода вернут
тебя домой, орбиты не нарушив.

А я наоборот... никто из нас не прав, но
это ерунда, когда мы о бессилье...

Вот эта речь и та, осколки двух дер-
жав – меня же ни в одной остаться не
просили.

И, в сущности, легко, для правды взор
открыв, податься хоть в бичи, хоть в
древние шумеры... из дома, из судьбы
– в бега, в леса, в отрыв. Не спрашивай
меня, за что такие меры – мне тесен го-
род мой, дома его тесны, мне тошно от
его гуденья, звона, шуток. Полцарства
и коня – за роскошь тишины, за право
уходить в любое время суток.

Не бойся, мальчик Кай, все сложит-
ся само, и розы расцветут, и кофе не
остынет... я буду в парке есть пломбир
и эскимо, а Герде – быть с тобой, и сча-
стье вас не минет.

***

Потягивая чай из блюда,
беспечно дальнего любя,
легко на свете обмануться
в необходимости себя.
И вправду, кто бы смог ещё
так горевать проникновенно
над неустроенной Вселенной,
масштабы не приняв в расчёт...

***

В.Ю.

Не сможешь ты. И я бы не смогла.
Да кто сумел бы выбраться из плена,
пока жужжала тоненько юла,
свивая быт из жизни постепенной?..
Как мы дорожки расчищали для колес
колясочных, и шмель дрожал от смеха,
и мы гоняли дерзкого шмеля,
и пили чай, и думали уехать
подальше, к морю. Море, море, мо...
а сад зарос крапивой до крыльечка,
а в доме предстоит большой ремонт,
дымит камин и плохо греет печка.
Но утром рано соловьи орут,
и начат день с прогулки, как с обряда.
Тугих смородин юный изумруд
из рук твоих разглядывает чадо.

***

Жалость имеет голос, имеет имя...
жалость – почти любовь и почти обида.
Не выбирай меня, путай меня с другими,
не подавай ни руки, ни пальто, ни вида.

Все мы устали, и воздух густой, как пенья,
тянет последние силы. Дрожит аорта.
Ну, уходи, улетай, убегай мгновенье –
ты не прекрасно, таких у меня до чёрта.

***

Ты его знаешь, а я не знаю,
ты его любишь, а я – не очень.
Он тебе нужен, а мне – не знаю –
может быть, ночью.
Остановись – между нами спора
нет и не может быть никакого,
я уступаю вам этот город,
весь этот говор материковый,
гон и истерику в понедельник,
предошущение сна субботы,
я вообще от всего отдельно,
что ты.

Кереметь

Бродят в деревне мертвых души
священной рощи –
заговоры бормочут, ищут двоих живых.
Нету загадки проще –

двое теплы на ощупь,
и не сумеют рядом сесть,
не примяв травы...
Души священной рощи злы,
но умеют слушать –
спой им такую песню,
чтобы простили нас.

Души священной рощи,
в сущности, просто души,
души людей, которых так никто и не спас.

***

Не смей меня ловить
в лукавой перекличке –
нескладный алфавит,
как ящерицын хвост,
достанется тебе –

я выйду сквозь кавычки –
возьму прямую речь, ее рисунок прост.
Когда-то и меня кружило в карнавале,
и тайны вождедев, вослед тебе влекло,
но нынче близорук мой взгляд,
и трали-вали
мне скучно заводить сквозь умное стекло.
Миллионы мелочей сплетут густую чашу,
покуда в пользу «быть» решается вопрос...
Не смей меня любить – я стану настоящей –
и не смогу других воспринимать всерьез.

Тихие мелкие шаги

У одного писателя всё время выскакивает на новом компьютере в неподходящий момент эта строчка, и он вынужден искать ей сюжет: бродит по кладбищам, ходит в оккультные общества, курит гашиш, – никакого толку; пытается писать рассказ о своих поисках, ничего не получается; после переустановки «Windows» строчка перестаёт выскакивать; забывается; встречает женщину, разговорились – вдруг выясняется, что ей не даёт покоя такая же строчка, только в виде вышивки или вензеля: тянет оставлять ее на белье, лепить на пирогах. Отшатывается от нее, становится нервным, опять начинает курить, хочет вернуться к женщине, которую бросил; выясняется, что она давно умерла.

Приходит к ней домой, где без ухода пропадают престарелая тётка со слабоумной дочерью; начинает приносить им продукты, моет полы, понемногу находит равновесие; тихие мелкие шаги оказываются у больной девушки; ищет снова встречи с той, другой, женщиной, но она упорно избегает его; ему мучительно хочется узнать, преследует ее фраза или нет, он правдами и неправдами, унижаясь и угрожая, пробивается к ней, его жестоко избивает ее приятель, громила; избив, удаляется по ночному, подсыхающему после дождя, городу звучными крупными шагами.

Герой рассказа вдруг начинает дико хохотать, прикладывая к горящему лицу смоченный в луже платок. Громила возвращается, подумав, что смеются над ним, бьет снова, но тот ничего не может объяснить, и не может перестать; громила свирепеет; но показывается милицкий экипаж; обоих забирают. В камере герою эшпашатся за дверь тихие мелкие шаги, отпросившись пописать, он видит выходящего из нужника карлика, горбуна. Карточный шулер, объясняет сержант, которому скучно на дежурстве. Горбун предлагает сыграть. «Вали отсюда», – говорит сержант.

Утром герой приходит домой, ложится спать; звонят в дверь: на пороге стоит горбун, в руках засаленная колода карт. Герой почему-то безмолвно соглашается. Горбун выигрывает и забирает у него одежду, книги, утварь, бытовую технику, всю обстановку. Молчаливые люди грузят и пакуют всё. Он плачет, ползает на коленях, но они неумолимы; наконец, остается в квартире с голыми стенами. Механически выходит и по инерции идет в квартиру к своим подопечным. Дверь ему открывает женщина из собеса; в руках у нее авоськи с питанием, в углу мокрая швабра, шумит вода, на плите скворчит вареву; тетка и племянница причесаны, нарядны, от них даже пахнет духами; герой понимает, что в нём здесь больше не нуждаются.

Он обшаривает карманы, находит остаток денег и в ближайшем киоске покупает колоду. Подбрасывает ее в руках, вспоминает адрес своей второй женщины, идет к ней. В дверях оказывается всё тот же громила, молча протягивает руку и забирает карты. Он не узнает его, вообще не воспринимает как одушевленное лицо, видно, принимая за посыльного. Игра продолжается, ясно, что все игроки – люди серьезные, и громиле приходится туго. Он ставит на кон машину, квартиру, дачу, любимую женщину – ту самую, из-за которой бил нашего героя. Наконец, пистолет. Женщина истерически кричит и тащит пришедшего за картонный стол. Он не умеет играть, но делает ставку и выигрывает.

Держа пистолет направленным на собравшихся, выходит из квартиры, и идет в отделение милиции. Дежурный говорит, что никакого горбуна здесь не знают, а вот если он хочет сдать найденное оружие, то освобождается от ответственности и получает денежную сумму. Герой возвращается в свою квартиру и видит, что все вещи на месте, и вообще всё так, как будто ничего не происходило – только компьютер включен. Он нажимает на клавишу, чтобы записать свои похождения, и на экране ментально выскакивает строчка: «Тихие мелкие шаги».

Тимур АЛДОШИН

Тимур Алдошин

Родился 31.3.1961 в Казани, где и проживает по сей день. Автор стихов, прозы, эссеистики. Публиковался в казанских журналах «Идель», «Квадратное Колесо», «Казанском Альманахе», московских «Новая Юность», «Октябрь», «Дружба Народов». Лауреат литературной премии им. А. М. Горького за 2005 год.

Вместе с Алексеем Евгеньевичем Кирилловым ведёт литературное объединение «ARS Poetica» при Казанском Государственном университете.

«Неподражаемо лжет жизнь...»

Марина Цветаева

... Даже уж не ложь –
так уходит гулко
жизни хлебный нож
в мякоть переулка.

Даже уж не смерть –
так стоит чухонкой
равнодушно твердь
с шелухой звонкой.

Ей-то все равно,
как мы называем
красное пятно
под тупым трамваем.

Им – кому слышать? –
что мы набормочем,
уходя не спать
в переулки ночью.

Статуя коня,
всадник с медной палкой
плюнут на меня,
проезжая валко.

Плюнет на тебя
сонная комета...
Даже для себя
нету лжи на этом

свете, что во сне
видит нашу встречу, –
ни тебе, ни мне
не давая речи.

***

Голос, голод – все едино,
все нуждаются в столах,
раб разыскивает господина
языком в колоколах.

Вот стучится в юбку било
пяткой, локтем, головой,
жарка печь меня кормила,
черный ворон, я не твой.

***

Если там китайцы пляшут,
то на углях, посмотри –
это вышел дивен, страшен
из зеркала и из зари

император новогодний,
повелитель снежных стай.
Поскорей свое исподне
штопай. Что ему Китай?

В гостях у «ПИ1» - Лито «Белая ворона»

«Белая ворона» - творческое молодежное объединение города Казани, которым более 10 лет (с мая 1997 года) руководит поэтесса, заслуженный работник культуры Татарстана Наиля Ахунова.

В «Белой Вороне» проводятся мастер-классы известных поэтов и писателей, презентации книг, поэтические турниры. Среди участников «Белой Ворон» немало молодых людей с ограниченными физическими возможностями: поэтическое творчество является для них эффективным средством творческой самореализации и социальной реабилитации.

«Белая ворона» - частый гость в школах, библиотеках, вузах, музеях, детских центрах. Деятельность Лито КГМУ отмечена множеством благодарностей, дипломов и других наград.

«Белая Ворона» - это еще и клуб любителей японской поэзии. Участники Лито, пишущие японские трехстишия - хайку, объединились в клуб «Семнадцать». Почему семнадцать? Именно столько слогов должно быть в японских трехстишиях.

12 лет подряд силами Лито «Белая Ворона» проводится Молодежный фестиваль поэзии и авторской песни «Галактика любви» имени Вероники Тушновой (знаменитая поэтесса родилась в Казани). Бесценный председатель жюри фестиваля - заслуженный деятель искусств Татарстана, лауреат премии А.М.Горького, редактор детского литературно-художественного альманаха «Будильник» Борис Вайнер. Лауреатами фестиваля в разные годы были победители международных и российских литературных конкурсов: Алена Каримова, Александра Кашина, Ольга Овчинникова, Анна Русс, Альбина Абсалямова и др.

Сегодняшняя подборка авторских работ подготовлена «Белой Вороной» специально для «ПИ1».

Наиля АХУНОВА

руководитель Лито «Белая Ворона»

Хокку из цикла

«Она ушла в полнолуние»:

***

Время в больнице
течёт со скоростью
капельницы.

***

Серёжки в ладони
принесла санитарка -
последний подарок от мамы.

***

Пламя гвоздик
Рвётся из рук.
Студёный ветер.

***

Белые лепестки
Снега и хризантем:
Ты любила цветы.

***

Полярной лучи
Обжигают глаза: на какой
Ты звезде теперь, мама?

***

Вспоминанья бесконечны.
Перебираю чётки
Всю ночь.

***

Она ушла
В полнолуние.
Лунолика, где ты?

***

Портрет в простой рамке.
Два жёлтых тюльпана.
Надолго ли разлука?

***

Торт именинный,
Пирог поминальный...
Съём всё до крошки.

***

У радости - семь цветов,
А у горя -
Лишь один.

***

Синичка заглянула
В окно. Но оно
Заклеено намертво.

***

Чёрная бабочка,
Ты откуда зимой?
Тень на потолке...

***

Голубые глаза Луны
И ночи без сна -
Наследство моё.

***

Садака для поэта -
Монета Луны
В полнолуние.

Альбина АБСАЛЯМОВА

лауреат первого фестиваля «Галактика любви», внучка известного советского татарского писателя Абдурахмана Абсалямова, член Союза писателей РТ, лауреат литературной премии «Триумф».

Татарская слобода

Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай слобода,
Погоди, погоди истончаться,
Оставайся такой, как всегда.

Пусть тропинки уводят в кусты,
Полумесяц сменяет кресты,
Деревянные ставни щебечут,
И окошки сияют чисты.

Пусть белеет березы кора,
Запах хлеба летит со двора,
И мальчишки от счастья смеются,
И поют соловьи до утра.

Не кончайся, живая вода,
Не теряйся, не тай слобода,
Погоди, погоди истончаться,
Оставайся такой, как всегда.

Лилия ШАРАФЕЕВА

лауреат фестиваля «Галактика любви - 2010» в номинации «Поэзия»

***

Симор, не надо больше стрелять в висок,
просто иди по пляжу и жуй песок,
жалким и хрупким сердцем своим стуча,
не укрывайся от солнечного луча.

Просто плыви по течению, за кругом круг,
хватит плакать! не опускай же рук.
Жена на кровати в номере спит давно,
что ты, стрелять не стоит, лучше в окно.

И, свесив ножки, правую ножку качай,
вспомни сквозь время девчонкино «прощай»,
через секунду твой суицидный выхлоп,
ты даже там никогда не отыщешь выход...

***

Громко смейся, тихо плачь,
к небу протяни ладони,
недовольства быстро спрячь,
этот мячик не утонет.

Будет он скользить по льду,
замедляя время года.

Он с природою в ладу,
не страшны ему невзгоды.

Только ты за ним смотри!

На боку живет жирафик.

Теплотою одари -

Завяжи покрепче шарфик.

Любовь БУКАТОВА

постоянная участница Лито «Белой Ворон»

Весна в Казани

Весна, девчонка шалая,
Знать часики утеряны?
Где ходишь, запоздалая,
В каком тоскуешь тереме?

Апрель уже на улице,
А всё - сугробы белые,
Зима с клюкой сутулится,
С мороза поседелая...

А солнце? Где ты, жаркое?
Ярило, что же не яришься?
Возьмешь ли дань подарками,
Иль просто так заявишься?

Девчонки ходят грустные,
А парни всё надеются:
Сосульки станут хрусткие,
Весною всё изменится!

Хозяйка хлопотливая,
Зима напрасно вставила
Свои оконца дивные:
Сегодня - всё растаяло!

Юлия САНДЛЕР

мисс «Галактика любви-2010»

***

Обними меня за плечи,
Мой прохладный летний вечер.
Рыже-огненным плащом
Понежней меня укутай,
И с тобою мы вдвоём
В даль звенящую пойдём
По лугам, росой умытым,
По тропинкам босиком.
Нас с тобою заждались
Легкий ветер, шум дубрав,
Запах клевера и мяты,
Сырость мха и горечь трав.

***

Неделю масленицы в март
Приносят дни весны.
О тесто доброе моё -
Весь день пеку блины!

И каждый блин, как солнца диск -
Округл и горяч.
О, солнце доброе моё,
Лучи свои не прячь!

Эндже АЛИМОВА

студентка КГМУ - дипломант
«Галактики любви -2010»

***

В подземелиях рая, наверно, темно,
Интересно, кто там обитает?
Может, старый фонарь,
отсветивший давно,
Может, лун догорающих стая,
Может, бледные лужи, останки свечей,
Может, лампочка, вовсе нагая,
Может, тени в пыли растворённых лучей,
Может, мы с тобой, Бог его знает!

***

Зимний вечер - время счастья.
Лёгкий привкус винограда,
Чуть заметная прохлада
Пальцев на моём запястье.
Тихий шёпот и знакомый
Взгляд, задумчивый и нежный,
Жест застенчиво - небрежный,
Запах хвои и лимона.

Андрей МАЛОВ

лауреат фестиваля «Галактика любви - 2008»

***

Жёлтые листья,
Словно звёзды,
Слетают с небес.

***

Скоро в школу нам.
Дождь плачет
По каникулам.

***

Школьный дневник,
Самый главный ябеда,
Скажет всё маме.

Ольга Левадная

Член Союза писателей РФ и Республики Татарстан, заслуженный работник культуры РТ. Творческим наставником поэтессы был Рустем Кутуй. Помимо многочисленных публикаций в российских и республиканских журналах, в Казани издано 6 книг со стихами О. Левадной: «В ожидании снега живу» (1992 г.), «Пройти заколдованный круг» (1998 г.), «В свободном падении вверх» (2003 г.), «Вблизи от нашего прошлого» (2003 г.), «Из крика птиц растут воспоминания» (2005 г. - посвящена 1000-летию Казани, издана на русском, татарском, английском и турецком языках.), «Поднимаясь по лестнице раздумий» (2005 г.) Уже первый сборник стихов О.Левадной «В ожидании снега живу», высоко оценен Булатом Окуджавой и Андреем Дементьевым. Часть тиража этой книги закупила американская фирма «This is you publication» для Национальных библиотек США. В 2010г. к юбилею творческой деятельности Ольги Левадной в Таткнигоиздательстве готовится к изданию седьмая книга стихов О.Левадной «Звёздные Врата», в которой представлены разнообразные поэтические формы автора, как определенный способ видеть и запечатлеть мир.

Романс

Я к тебе, дорогой, привыкаю,
словно дерево в камень врастаю.
И мне страшно прожить без тебя,
не любимой тобой, не любя.

Я ещё, дорогой мой живая!
Умираю, тебя обнимая.
Вот и мёртвое дерево - я...
Как же ты? Как же ты - без меня?

Мария Магдалина

С твоей стены, где солнечные блики
рождают музыкальный танец дня,
взирают на меня чужие лики -
в иную жизнь, столетия спустя.

О, милая Мария Магдалина,
молись за нас, молись, не уставай!
Жизнь - спелая, но терпкая рябина,
и мы грешны, и грешен этот рай.

Не удивляйся: всё так изменилось,
и даже то, что мы зовём - любовь...
Но миг безумства послан, словно милость.
Благослови, чтоб он явился вновь.

Из крика птиц растут воспоминания

Я люблю белоликую Казань,
ноги которой
омываются живительными водами,
зацелованный снегом Кремль,
ещё благоухающий осенней листвою,
и разъятая площадей,
подобно страстному прощанию,
и веснушчатые дома
под гливой серебристых тополей,
и набожное свечение
городских фонарей,
и людей,
величественно несущих своё прошлое,
и крик птиц,
из которых растут
наши воспоминания.

И был вечер, и было утро

Не спится. Алая луна,
как безымянная планета,
и я, открывшая её,
и время имянареченье,
и тропка, узкая во тьме,
узлом завязанная кем-то,
и ничего, что - никогда,
а только сотворенье света.

Навка

Тимур Мусаев-Каган

Художник, поэт, прозаик. Родился в 1978 г. в Ленинграде. Детство провёл в городе Таганроге, с 1984 г. живёт в Махачкале. Член Союза журналистов России. Член Союза художников России, музыкант. Кандидат наук. Печатался в изданиях «Черновик» (вёл колонку) и «Молодёжь Дагестана». Участвовал в работе литобъединения «Верб». Имеет публикации в международном литературно-художественном альманахе «Санкт-Петербург», в журнале «Дарьял».

Рассказ без названия

Лишь вспомнив о нём, я плачу, как детдомовец, падаю на пол и сучу ножками: дайте, дайте, отпустите! Хочу! Хочу внутри себя, вокруг себя, хочу его петлёй на шею, змием в сердце, синицею в руках. Я его стражду с той силой, что в ручонках дитяти, тянущегося к конфете, заключена. Через трубочку, как сладкий сок, до самого далёкого стеклянного донца, где так пресыщенно хлопается, втянуть его желаю. Мой город. Почему, почему, почему, почему. И я, всё как прежде, не знаю, упваю.

Я там парю сине-зелёным шагаловским ашкенази. Я там тихонько проплываю и улыбаюсь, словно добрый дебил, словно шестилеток. Я там прячусь: и всё-то за пыльными углами, за кирпичными, солнцем нагретыми стенами. Выгляну, болванчик эдакий, и спрячусь, выгляну — спрячусь. Подсматриваю. Вынюхиваю. Зырк — и нету меня, а вроде только что был. И правда, где я теперь? А вот, полюбуйтесь-ка, в травинах сизу густолистных, и на лысоватой голове моей — беретик на резиночке, чтоб не потерялся.

Я то растягиваюсь вдаль, над трамвайными путями, то сжимаюсь клубком-коломком, и качусь, подпрыгивая, пересчитывая ступени ветхой каменной лестницы, вниз, туда, где совсем некрасивый Пушкин, отключив гладкое бедро, взирает на набережную, и дальше, дальше, на яхт-клуб и портовые краны. Я — взгляд Пушкина, я — твёрдая воля его бронзового сердца, взалкавшего мягкости. Оттого и скольжу я угрём неприметным среди тучных рыбацких уловов, кольцами вьюсь по стволам ракушек, а потом вновь по лестнице, но вверх,

и уже не по Старой, а по новой, бетонной, с лавочками и кафетерием посреди ея.

Я есть само головокружение от моего скользкого полёта, я призрак собственного приведения, и я могу укрыться в пьянящих цветах акации: моим соседом будет ранний шмель или пчела. Птица да не узрит нас, мы хитрые и невидимые, нам не страшен серый волк, мозаикой отражённый на фасаде здания детской поликлиники, не страшен. Если нам захочется фруктового мороженого, мы полетим и купим у тётеньки картонный стаканчик на двоих, за восемнадцать копеек, с деревянной палочкой.

А потом мы расстанемся, и уже в одиночестве, незрим, я напысь газировки с сиропом (сиропу побольше — 5 коп.), нефтяно темнеющим в стеклянной колбочке на углу Католической, Николаевской, им. тов. Фрунзе. Передохну, брюшко лелея, голову грудь почёсывая — местечко там есть, парк не парк, сквер не сквер, а только все цветы, цветы да дети — и отосплюсь, как бы невзначай, понарошку. И солнце ударит прямо в окно моей, давно не моей, детской, всполхнёт и отразится в выдуманный, натурфилософский глаз мой.

И я очнусь. Я полечу туда, где лягз трамвая подобострастно дружит с гулом электрички, с мёртвой тишиной паровоза-памятника. Среди обольстительных палаток и ларьков, там, где торгуют вредными желудку пирожками и гвоздиками, поодаль, есть главная на всём свете парикмахерская. Парикмахерская при вокзале. Стану плоским, слюдяным покрывалом сделаюсь, над холодными плитами пола вокзального впритирку заскольжу. Мате-

риализуюсь в Фёдора Павловича, и попрошу цирюльника подправить. Сниму очки, сложу в футляр, спрячу в карман рубашки. Обоснуюсь в дерматинном обхвате мягкого сидения и приму процедуру.

Тут, верно, захочется мне синего моря, и я обращусь тёплым ветром, большим тёплым ветром, и понесу в себе ерундовую мелочь наподобие фантиков и лужи. Я буду нарочито весел, я буду тормошить лопухи и взвизывать пыль предместий, я обмочу себе пятки в луже у столбика с носиком-краном, а потом пуще прежнего замараюсь о мазут чёрных шпал, о собачью шерсть, о мокрый песок, приставший к спине атлетичного купальщика в бачках по моде. Обласкав физкультурника и полуобнажённого комсомолок, опущусь на мутные воды Меотиды мелкой росой, туманом нежданым, и пропаду, слившись, влившись.

Я стану ихтиандром и подружусь с рыбами. Друзья мои будут рыба-Бычок и рыба-Тарань. У рыбы-Бычка рот большой, глаз маленький. У рыбы-Тарани око круглое, немалое, роток же скромн и худ. Потому-то рыба-Бычок на червя рыбацкого бросается, пасть раззявив, не разобравшись, подвоха подлого не усмотрев. Тарань-рыба, Бычку не в пример, зряча да пуглива, обдирает себе потихоньку мхи с каменной подводных и на крючок не торопится: не то что червя, мотыля порою не жалует. Она стройна и аккуратна; я буду плавать с ней наперегонки и лишь однажды сумею победить, заплыв за красный конус гулко железного буя — нашего финишного ориентира. Над рябью воды я подпрыгну пивявкой, а вознесусь изумрудной стрекозой и с рейда увижу далёкую красную башню с зубцами и флюгером, что высится над обрывом. Полечу вызволять принцессу из лап тирана, и батальон петровских гранатеров, а может быть, фузилеров с лубочными усами увяжутся за мной и запестреет в небесах.

Мы высадимся на маленькой площадке, заполонив её теснотой потных мундиров. Топлая сапожницами, семёновцы-преображенцы направятся в краснокирпичный замок на концерт фортепьянной музыки, а я, хитро отстав, разомлен в ароматах поздней весны, расту в солнечном потоке, став одним из лучей его. Я легко коснусь стального треугольника и отброшу лукавую тень на глубокую зарубку в каменной плите-циферблате. Половина шестого, час грусти и надежды. Юркий блик на хрустале свадебного вина. Белое, белое платье невесты. Жених смущён и воодушевлён втайне. Его красивый костюм немного тесноват. Я — повсюду.

Но мой дух уж истомился свободой и ностальгией. Мой дух истомился в тщете всепознания. Человеком средних лет я выйду на Петровскую. Здесь и шумно, и людно. Я, на-

верное, малость постою в ожидании, смущаясь своей материальности, своих глаз и тёплого дыхания, но, вспомнив опыт краткой бытности моим делом, угомоню нерешительность и прочие опасения. Я сделаю шаг и войду в магазин музыкальных товаров, я куплю пластинку Элвиса Пресли или Юрия Антонова. Или обе. Я распахну двери одни и открою другие. В мешанской кожгалантерее, где «грёз волшебных аромат», я разживусь хрустким портмоне. В пещерной фотостудии, где тайно архипствовал и ретушировал карточки Куинджи, сделаю кадр на вечную память. В обувном обрету сандалеты, в сувенирном — зажигалку-пистолет и пару малахитовых запонок в придачу. Я стану заходить и соваться всюду, чтоб добрые продавцы набивали мою оболочку всякою всячиной, и чтоб всячина эта пережила меня, будучи сохранённой, подобно тому, как сберегаются заупокойные дары в гробницах древних длительней во много крат их постояльцев.

Неудержим, ворвусь в кондитерский «Баку» и потребую пастилы с пахлавой, и требование моё удовлетворения себе найдёт сверх меры. В рыбном я спрошу живого судака, и оный мне будет предоставлен, в бакалее — сыру полголовки с пластмассовой цифирью на маслянисто-жёлтом срезе. В образцовом изразцово-кафельном молочном, дышащем вечною зимой, мне отпустят два пакета трёхгольных молока — сегодняшнее? — поинтересуюсь. Подтвердят.

Я снизойду в тихую филателию: марок центральноафриканской республики с динозаврами — знатоки приезжали из Москвы, редкость — приобрету. Нагрюну в магазин игрушек: куплю себе чудесную железную дорогу немецких кровей, возликую. Переводных картинок также. Можно клеить угогом на футболку. Индейцы, ковбои. Часы-брелок: мелочь, а приятно. А поверх всего добра, уговатого, несладного, балзам. Богач, покупаю, смеясь над нашим с пчелы фруктово-мёрзлым угощением, сливочного, за двадцать пять, с бумажной круглой наклейкой, препятствующей оседанию пыли.

И наступает здесь великая тоска, и шумит океанскою тенью каштан. Я у самого порога, и открывается коричневая дверь, и двое мне навстречу, один — я мигом распадоюсь, прощаюсь — седовлас, другой малыш. Я слышу запах жареной картошки и малосольных огурцов. Я — след. Двое пройдут, минуя его, но седовласый обернётся — посмотри! посмотри же! посмотри на меня! — на балкон второго этажа, там, на карнизе, в укромном простенке, голубь два яичка отложил; махнут оттуда рукой, улыбаясь, а рядом крикнут: «Са-а-а-аша, да-а-а-мой!» Не меня.

Экскаватор и трактор

Возле нового дома была навалена большая гора земли. Её забыли убрать после того, как закончили строительство. Эта гора ужасно мешала людям ходить, а машинам ездить. Чтобы попасть к себе домой, людям приходилось взбираться на гору, а потом спускаться с другой стороны, а машинам так и вовсе нужно было объезжать через другой двор.

Но вот в понедельник утром туда приехал экскаватор. Он увидел, как на дороге возвышается гора, и как люди из-за нее страдают. Решил экскаватор помочь людям. Подъехал он к горе и набрал полный ковш земли. А куда высыпать, не знает. Задумался экскаватор. А тут проезжал мимо трактор с прицепом, любопытно ему стало, он и спрашивает:

— Ты что тут делаешь?

— Людям помогаю, — отвечает экскаватор. — Надо убрать эту кучу земли, а то ходить мешает. Не знаю только, куда её пересыпать.

— А ты насыпь в мой прицеп! — предложил трактор.

Экскаватор так и сделал. Потом снова набрал в ковш землю и снова высыпал в прицеп. Так он сыпал и сыпал, пока прицеп не наполнился.

Гора земли стала намного меньше, но все еще загораживала проход.

— Сейчас я поеду за город, высыплю там землю, а потом вернусь, и мы продолжим, — сказал экскаватору трактор. Еще три раза пришлось ему увозить полный прицеп земли, прежде чем дорога полностью освободилась.

Вот люди обрадовались! Теперь можно было идти прямо, вместо того, чтобы карабкаться на гору, а машины тоже были довольны, что не надо объезжать вокруг.

Больше всех радовались мамы, гуляющие с маленькими детками в колясочках. Они горячо поблагодарили экскаватор, и трактор, и даже прицеп. А потом вывезли своих малышей на прогулку. Мамы не спеша прохаживались там, где раньше громоздилась куча земли, и улыбались. А малыши, выглядывая из колясок, улыбались им в ответ.

Любовь ОСТРОВНАЯ

Текучка

Я открыла глаза. Рядом лежало что-то бородатое. «Узник Замка Иф или муж?» — подумала я. «Или муж» засопел и повернулся на бок. Интересно, вспомнит ли он в этом году о моём дне рождения или ему опять моя мама напомнит? Извечный вопрос — всё тот же. Прикрыв глаза руками, я «вдарилась» в воспоминания. А как красиво всё начиналось! «Любимая, я подарю тебе вселенную!» А я вилками, вилками лапшу на уши. Думала — вот он, мифический рай в шалаше... Ан, нетушки! А вроде неглупая девочка, чтобы верить в сказки. И чего я хотела? Долететь до середины Днепра? Фигушки! Куры-гриль не летают...

Семейная жизнь, полная конфликтогенов, обречена на провал. Но не обязательно. Есть и другой выход — плыть по течению. Другими словами — отдаться рутине. Нахлебаношь маленько, но терпимо ведь! И жить в подобных случаях можно душа в душу. — «То он мне в душу, то я ему в душу...» А ссоры у нас всегда рядовые. Проходят по запланированному сценарию. Он — МЕНЯ, Я — его. В этом словесном поединке я как женщина выгляжу намного эффективнее и убедительней. И вроде понимаю, что надо бы сдерживать свой пыл. И не потому, что он скоро рога включит — ТИГРЫ МЫШЕЙ НЕ БОЯТСЯ, — а просто потому... потому что Надо! Но напор слишком велик, и я лечу... по наклонной семейных отношений. И пошло-поехало!

— ...Да я тебя из лягушки в царевну!

— ...Была бы я царица, кабы муж был царём!

Ну, спрашивается, зачем тебе надо было ловить экзотическую птицу с редким опереньем, когда тебя бы устроила и обыкновенная курица? Стоило ли тебе забираться на колокольню, если ты с неё даже позвонить не можешь? И вообще, Ди Каприо «Титанику» — не товарищ! («Титаник» — он, естественно.)

Странно, но ему почему-то не понравилась моя культурно-просветительская работа над его ошибками. В словесной битве он явно проигрывает. И ему приходится использовать в защиту своих достоинств... «жаргонизмы». Выслушав про его «большую любовь» ко мне, я пытаюсь вспомнить слова из одной книги о «противотанковой обороне противника» — НЕ УПОДОБЛЯЙСЯ ЕМУ. ИДЕАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ — СНИСХОДИТЕЛЬНО УЛЫБАТЬСЯ НА ЖЕЛЧНЫЕ РЕПЛИКИ В СВОЕЙ АДРЕС. Но ЭТО ВЫСШИЙ ПИЛОТАЖ И НЕ ВСЕМ ПОД СИЛУ...

Почему-то именно этот «высший пилотаж» приводит его в бешенство. И в ход идёт уже тяжёлая артиллерия. Так как газового баллончика у меня с собой нет, как ни странно (а ведь он всегда должен быть рядом — на случай нападения противника!), то я лечу в так называемый нокаут!

После моего удачного (!) приземления на пол он вдруг предлагает мне переход под его знамёна. Полный неожиданчик! Силой воли я понимаю, что этого делать не стоит, и пытаюсь демонстрировать хотя бы намёк на смелость и уверенность в себе. Мой бесстрашный внешний вид обескураживает противника. Со словами ненормативной лексики он кидается к двери и уже оттуда бросает две фразы, одна из которых относится, как видимо, к детям: Я УЕЗЖАЮ В ДАЛЬНИЙ ПУТЬ, НО СЕРДЦЕ С ВАМИ

ОСТАЁТСЯ! — а вторая уж наверняка ко мне (типа, чтобы я запомнила, кто в этой гостинице директор). Хлопает дверь. Занавес. Народ безмолвствует...

Я облегчённо вздыхаю. На лице «улыбка Муму, уплывшей от Герасима». ... Где-то в этом месте я по сюжету должна пожалеть себя: ах, я такая несчастная, и живу я, как поганочка, и вся жизнь моя полностью жестяночка. А мне ведь летать ОХОТА!!!

Что-то не полегчало!.. Надо бы встряхнуться, убрать пессимизм в сторону. Как там говорится в умных книжках? Запомните, вы единственная в своём роде, УНИКУМ! И такой, как вы, больше нигде нет. У вас своё предназначение в жизни, и никому не занять вашего места, потому как вы одна такая — НЕПОВТОРИМАЯ!

После аутотренинга чувствую неожиданный прилив бодрости. Хочется вскинуть руки. Одна-а?! Да нет! А-а-а-а!!! САФСЭМ АДНА! АССА! Хочу халву ем, хочу пряники! Не тебе меня судить! На это есть вышестоящие инстанции! ПРОЩАЙ, НЕМЫТАЯ РОССИЯ!!!

Умиротворённая, засыпаю...

На следующий день раздаётся звонок в дверь, и я с тоскою понимаю, что мумии иногда возвращаются. В дверях стоит моя дражайшая (или дрозжащая?) половина и заявляет, что у него ко мне бесплатный разговор. Естественно, я ему отвечаю, чтобы он крутил педали, пока не дали, потому как воспоминания ещё свежи.

Через некоторое время полы в нашей квартире опять содрогаются, но это уже мой благоверный падает на колени и с крокодильими слезами пытается объяснить мне, что я самая, самая... Я устало присаживаюсь на табурет, который почему-то уже шатается, прикрывая руками рванный подол халата и понимаю, что я, действительно, самая, самая... круглая дура! Потому как опять позволила этому повториться. И всё идёт по накатанному сценарию. И уже никогда не «прилетит вдруг волшебник и бесплатно...» не изменит мою жизнь. И никто никогда не услышит мои позывные — SOS! Пополните баланс моей души и вам воздастся!!!

...И только через некоторое время, успокоившись, я спрошу себя: что же это было? Кошмар, цунами, наводнение? Да нет! Всего лишь обычный день обычной жизни обычной семьи, использующей обычный порошок...

Умайра Абдусаламова
Журналист, филолог (Махачкала)

Украина, г. Луганск

Провинциален ли интеллигент?..

Александр Дубров

Лауреат Первой премии Всеукраинского конкурса шахтерской песни, обладатель Гран-при областного конкурса патриотической песни «Оберіг пам'яті», участник и лауреат шести областных телеконкурсов «Пісенні стежини нашої доли», победитель областного конкурса композиторов, награжден медалью им. М.Матусовского...

Очень хочется познакомить читателей «Провинциального Интеллигента 1» с талантливым композитором, проживающим в провинции, а именно - в г. Антрацита Луганской области, который в непростые годы для творческих людей сумел не только написать много замечательных песен, но и создать свои коллективы: мужской - «Аккорд» и женский - «Вдохновение». Многие луганские поэты работают с Александром Николаевичем Дубровым. Он пишет музыку на их стихи, обогащая репертуар своих ансамблей. Получается замкнутый цикл: автор слов + композитор + исполнитель = песня, а значит, сбываются мечты многих творческих людей.

Светлана Тишкина (С.Т.): Александр Николаевич, на меня произвело неизгладимое впечатление исполнение ваших песен созданным вами ансамблем «Аккорд». Я таких голосов давно не слышала. Как вам удалось найти и собрать воедино столько талантливых людей в небольшом шахтерском городке? Это же уровень известных раскрученных столичных коллективов. Не хватает только туров с концертами по Европе и миру.

Александр Дубров (А.Д.): В 1998 году, по велению души и сердца, в нашем ДК им. Ленина г. Антрацита собрались любители пения, имеющие опыт выступлений, и, естественно, с хорошими голосами. Так родился мужской ансамбль «Аккорд», который в 2004 году получил звание «Народный коллектив». На сегодняшний день мы - обладатели Гран-при областного конкурса патриотической песни «Оберіг пам'яті», лауреаты городских конкурсов и фестивалей. Выступали в городах Луганской, Донецкой, Запорожской областей, в Симферополе, Киеве.

А проблемы? Они есть у каждого творческого коллектива. Это и обновление костюмов, финансирование записей фонограмм и т.д.

Коротко об участниках ансамбля:

Виктор Петриченко - поет более 45 лет. Обладает прекрасными вокальными данными. Выступал в Канаде, Югославии, Чехословакии, Вьетнаме;

Виктор Чернобрышко - имеет такой же певческий стаж. Его кумиром был и остается Юрий Богатиков;

Федор Скрепцов - поет более 40 лет. Художник, любит рассказывать юморески;

Александр Бирюков - начинал петь еще в Волгограде в хоровой капелле. Читает юморески сам и в дуэте со Скрепцовым, чем украшает выступления нашего коллектива.

(С.Т.): А теперь, когда вы поведали о вашей творческой работе с коллективами, пришла пора рассказать и о себе. О вашем творчестве как композитора. Давайте начнем с самого начала. Как это было и когда? Расскажите о близких вам людях, семье.

(А.Д.): В первую очередь, вспоминается народный ансамбль «Мелодия», с которым я работал 10 лет. Для них я писал свои первые мелодии. 25 лет назад я написал свою первую песню, а сегодня в моем музыкальном багаже их сотни. Сейчас я работаю с двумя «народными» коллективами. Это - женский ансамбль «Вдохновение» и мужской - «Аккорд». Знаю, что мои песни поют многие ансамбли, как нашей области, так и других, в том числе в ближнем и дальнем зарубежье. Песни расходятся благодаря трем песенным сборникам, которые мы сумели выпустить.

А само начало моего творческого пути было в 5 лет, когда родители подарили самую простенькую гармошку, обнаружив у меня хороший музыкальный слух. Затем был баян, учеба в музыкальной школе, музыкальном училище, институте. Творчество присуще людям нашей профессии. Работая в музыкальной школе, делал аранжировки для оркестра народных инструментов, для хора и ансамблей, с которыми работал помимо основной работы. Это переросло в потребность - писать музыку на стихи. Вот так и продолжается до сих пор. Во всем меня поддерживают жена - Надежда, дети и внуки. Жена является первым слушателем и критиком песен.

(С.Т.): Знаю, что не останавливаетесь на достигнутом. Какие планы на ближайшее будущее, и что мешает их осуществлению? Надеюсь, что эта статья также будет содействовать исполнению задуманного.

(А.Д.): В нашей работе нет предела совершенствованию, и достигнутое сегодня требует постоянного улучшения. Это проявляется ежедневно, в мелочах, но вырастает в нечто большее, чем планировалось. Планы на будущее? Хочется принять участие во всеукраинских, международных конкурсах и фестивалях. Но это требует больших финансовых затрат. Уже готов материал для очередного, четвертого песенного сборника, ищем спонсоров. Выпуск такого аудиосборника стоит порядка 10-15 тысяч гривен.

(С.Т.): А теперь чисто теоретический вопрос: к какому жанру, какой тематике вы относите свои музыкальные произведения? С экранов телевизоров, с дисков на людей лавиной идет так называемая «попса». Как вы относитесь к предпочтению населения, ведь ни для кого не секрет, что именно спрос и рождает предложение? И осуждаете ли вы легковесную моду новых течений?

(А.Д.): Жанр, которому я посвятил всю свою жизнь - песня. А тематика моих песен разнообразна. Это песни о родном крае, военно-патриотические, лирические, шуточные, детские, казачьи, шахтерские. Что касается моего отношения к песням, которые мы слышим, хочется сказать следующее: есть много прекрасных песен, написанных на достойные стихи, но наряду с этим появились и появляются множество песен далеко не качественного содержания, и невольно возникает мысль о конвейере. А «конвейер» порождает шоу-бизнесом. Новоявленные авторы дешевых «композиций» не думают о содержании своих опусов. Для них главное - продать свой товар. Вслушиваясь в мелодию такого «творения» и не находишь ее там. А ведь мелодия - основа любой песни, это потом уже вступает в игру ритм. Любую песню можно узнать по мелодии, а не по ритму. Но, к сожалению, песни сейчас для многих сочиняет компьютер, а не человек. Меня радует, что в эфире на канале «Ретро-FM» звучат прекрасные песни нашей молодости. Их нельзя забывать, их нужно слушать и помнить.

(С.Т.): В заключение, я бы хотела, чтобы вы рассказали нам какой-нибудь интересный случай из вашей жизни. Наверняка, вам есть о чем поведать людям.

(А.Д.): В моей творческой биографии было много интересного, и случаев в том числе. Наверное, самым значимым лично для меня - была работа в один из летних месяцев 1982 года в пионерском лагере. Ко мне, музыкальному работнику, обратился старший воспитатель с категорической просьбой: написать для различных мероприятий несколько песен на ее собственные стихи. Наверное, это было настолько для меня неожиданно, что я... согласился, хотя никогда этим не занимался ранее. В общем, получились песни, которые детвора пела с удовольствием, и они еще не один летний сезон там звучали и без моего участия. Этот случай дал толчок для написания многих песен.

(С.Т.): Александр Николаевич, спасибо за интересную, познавательную беседу. Творческих успехов вам и вашим музыкальным коллективам!

(А.Д.): Спасибо за пожелания успехов. Надеюсь периодически посещать нашу литературную гостиницу «Светлица» со своими музыкальными коллективами и представлять отчет о последних работах. Каждый из поэтов уникален в своем творчестве, и мне интересно писать песни на неожиданные литературные ритмические обороты. Всегда жду от друзей-поэтов новых стихов и желаю всем доброго здоровья и творческого вдохновения.

Беседу провела Светлана ТИШКИНА

Салават

Пчёлка - золотое брюшко

А вы знаете о том, как пчёлы с людьми подружились? Нет? Ну, тогда присаживайтесь удобнее и слушайте...

Среди гор высоких, лесов дремучих, на берегу безымянной речки - серебристой змейки, стояло небольшое село. А на краю села - ветхая избушка, где жили три брата - три калеки. Старший был горбатым, средний брат - слепым, а младший - хромым. Трудно им жилось. Другие-то односельчане и хозяйство справное держали, и на охоту ходили, и рыбу ловили. А у братьев ничего не получалось. Впроголодь жили - с хлеба на воду перебивались. Тут подошла пора им жениться, но ни одна девушка даже взглянуть в их сторону не желала. Пригорюнились братья. Что им теперь делать? Хозяйства нет, зверя добыть не могут, рыбу поймать не получается. По деревням ходить и подавние просить - стыдно. И надумали тогда братья покинуть родное село. Поискать счастья в других краях: неизведанных, далеких. Положили в котомку краюшку черствого хлеба, баклажку с водой и кружку. Закрыли избу, поклонились и пошли по тропинке за околицу. Вьется тропка узкая, петляет. Кружила-кружила она меж кустов густых, деревьев высоких и завела братьев в лес темный, дремучий. Горбун, опираясь на посох, идет впереди. Слепой брат за его горб держится, чтобы не потеряться. А младший брат - хромой, ковыляет позади, о кочки и пенки спотыкается.

Долго они блуждали по горам высоким, лесам непроходимым и не заметили братья, как сбился с тропки узенькой. Искали-искали ее в темном лесу, а найти не получается. Поняли они, что заблудились. Краюшку хлеба давно уже съели, воду выпили. Идут, питаются корешками да ягодами, а лес все глуше, все чернее становится. Нет ему конца и краю. Только следы медвежьи да волчьи братьям попадались. По деревьям куницы с белками скачут, а из чащобы чьи-то злые глаза сверкают - их пугают. Страшно братьям стало. Хоть и калеки, а помирать раньше времени им не хотелось. Старший брат уже пожалел, что уговорил их уйти из села счастье искать. Так и шли они по дремучему лесу, вздрагивая при каждом шорохе, пока не набрали на какую-то поляну. Сели в кружок, стали совет держать. Говорит старший брат:

- Братушки родные! Моя это вина, что послушали вы меня. Пропавшем мы здесь в лесу. Нужно нам в село возвращаться. Худо-бедно, но проживем втроем. Лучше впроголодь жить, чем съедеными быть. Что скажешь ты - средний брат? Средний брат подумал и говорит:

- Братцы мои - старшой и младшой! Я поразмыслил и решил, что надо нам вперед идти. Авось и наткнёмся на стёжку-дорожку. Столько уже прошли, так нечего нам оглобли назад разворачивать. А что ты скажешь - брат младшой? А младший братишка в это время за пчёлкой - золотое брюшко наблюдал. Летала она беспокойно около их лиц и словно что-то сказать хотела. Пожужжит-пожужжит и в сторону отлетает. Вернется к ним и снова жужжит, будто за собой зовёт. Второй раз задал вопрос средний брат. Младший посмотрел на них, на пчёлку и говорит: - Я, братья мои старшие, не хочу вам перечить. Как решите, так и будет. Но пока вы спорили меж собой, я заметил, что пчёлка - золотое брюшко, словно нас куда-то за собой зовёт. Не иначе, как помощи-защиты просит. Не беда ли у неё случилась? Поднимайтесь братья с травушки и пойдём туда, куда она зовывает. Посмотрим, может получится бедняжке помочь. А свои дела потом решим.

Поднялись они и побрели за пчёлкой в ту сторону, куда она их звала. Идут и удивляются: зачем они ей понадобились? Какая нужда заставила пчёлку к людям за помощью обратиться? Да и чем они могут помочь: слепой, горбатый и хромой? Торопится пчёлка. То быстро вперед летит, то к братьям возвращается. Прожужжит около них, словно говорит, чтобы поскорее они шли, и опять вперед улетает - дорогу показывает. Добрались братья до маленькой поляночки. Увидели, что там липа растёт большая, неохватная. Рядышком, из-под земли, родничок пробивается, журчит. Посмотрели на липу. А она вся цветом покрыта. И высоко над землёй дупло находится, возле которого целый рой рассерженных пчёл кружится. А по стволу медведь карабкается. Хочет пчёлку ограбить - разорить. Мёд у них отнять, который собрали.

Поняли братья, зачем их пчёлка - золотое брюшко за собой звала. Заступничества у них просила. А у братьев, кроме топора, больше и нет ничего. Как им с медведошкой совладать? Быстренько срубили высокое дерево. Сде-

Михаил Смирнов

Прозаик. Лауреат и призёр международных литературных конкурсов и премий последних лет (в т.ч. Лауреат Международного литературного конкурса «Перекресток - 2009» Номинация: «Литература для детей и юношества»). Лауреат Международного литературного конкурса «Перекресток - 2009» Номинация: «Проза». Золотой Лауреат Международного конкурса «Национальная литературная премия «ЗОЛОТОЕ ПЕРО РУСИ - 2009».

лали из него рогатину. Стали ей разбойника-медведя снизу колоть, а сами кричат-верещат пронзительными голосами. Косолапый не ожидал нападения. От испуга рухнул наземь и такого дёру дал, что только кусты затрещали. Обрадовались пчёлка - золотое брюшко и её подруженьки, что беда миновала. Роятся около братьев, крыльшками задевают, но не жалят. Наоборот, приглашают медку отвезать такого, какой они не видывали и не пробовали. Вволю наелись братья душистого мёда - утолили голод. Запили его вкуснейшей родниковой водой. От всего сердца поблагодарили пчёлку за угощение. В пояс ей поклонились. А она села на глаза слепого, крыльшками затрепетала. Затем проползла по ногам хромого брата. И, подлетев, вонзила кончик жала в спину горбуна. Тотчас же прозрел средний брат, увидел красоты земные. Прекратил хромать младший братишка, заплакал от радости. Распрямили старший брат. Перестал на землю глядеть, а начал вперед смотреть. Превратила их пчёлка - золотое брюшко в сильных и красивых удалцов-молодцев. Решили братья отблагодарить её за волшебное исцеление. Взялись они за работу. Прочистили родник с вкуснейшей водой. Обложили его по краям камнями, чтобы земля не осыпалась. Поставили рядом с ним кружку, из которой каждый уставший путник мог водицы испить чудодейственной, настоянной на запахах лесных трав и силе, что земля-матушка роднику дала. А чтобы косолапый не разорал дупло с мёдом, братья повесили на дерево чурбачок-толчок. Ползет мишка за мёдом, оттолкнёт брёвнышко, а оно качнётся и ударит его по спине или по загривку. И чем сильнее будет толкать медведь бревно, тем больше на него посыпятся удары. Так и придётся ему, не солону хлебавши, возвращаться в свою берлогу. Пчёлка - золотое брюшко увидела, с какой заботой и добротой относятся к ним люди, и велела одному рою лететь с братьями. Дорогу им до дома показать и остаться служить на благо людям. Сама решила быть хозяйкою в лесу и каждый год посылать людям новых пчёл. Братья на лице оставили зарубку, чтобы никто не разорал дупло с мёдом у пчёлки - золотое брюшко, обладающей волшебным даром исцелять от всех болезней.

Сами вернулись в село с помощью пчёл, которые им дорогу указывали. Построили себе дома новые. Для пчёл соорудили жилища-ульи. Хозяйством обзавелись. На охоту стали ходить и на реке рыбу ловить. С той поры жили братья привольно и безбедно. И пчёлки трудились с утра и до вечера - мёд душистый, целебный добывали, чтобы люди им пользовались. Да из леса пчёлка - золотое брюшко каждый год присылала для людей рон своих подружек.

В беде познаются друзья. Вот так пчёлы и подружились с людьми. Люди им ульи готовят. Заботятся о них. Охраняют. А пчёлы им за это мёд добывают, чтобы они не только его ели, но и лечились. Всякий-всякий: цветочный, гречишный, липовый. Так в дружбе и живут с тех пор. А та липа, где в дупле живёт пчёлка - золотое брюшко с целебным, чудодейственным мёдом, говорят, существует до сих пор, только отыскать её очень трудно - не каждому дано. И ещё говорят, что дорога к ней откроется лишь перед тем человеком, кто помыслил чист и совершает в жизни добрые дела...

Детям

Ванда Саволайнен
Финляндия

Шустрый мяч

Мяч лежал в руках у крошки,
Поиграть решил немножко.
Шустрый, выскочил из рук
И запрыгал стук, стук, стук!

Доскакал до поворота,
Видит - старые ворота,
Заскочил легко во двор -
Там был низенький забор.

Перепрыгнул на бульвар,
Где красивый тротуар,
Подкатился к яркой клумбе,
Там цветы стояли в тумбе.

Поскакал еще немножко
По протоптанной дорожке.
Мимо знака - перехода,
Мимо знака - пешехода.

На дороге веселился, -
Под машиной очутился...
Скрип раздавался, свист, хлопок!
Нет мяча - таков итог.

Есть мечта у крокодила...

Там где пальмы, много солнца,
На реке с названием Нил,
Жил романтик и мечтатель -
Полосатый крокодил.
Жил себе, не зная горя,
Ел бананы, пил кокос.
Был совсем не кровожадный
И боялся даже ос.
Очень странную расцветку
От природы получил:
Будто был в морской тельняшке
Необычный крокодил.
Как моряк, ходил вразвалку,
Трубку длинную курил,
Веря в то, что дед иль прадед,
У него в матросках был.
Над беднягой потешались
Аллигаторы вокруг!
Ну, а он мечтал и верил,
Что случится чудо вдруг:
Из-за дымки горизонта
Пароход придёт большой,
И на нем уйдет он юнгой
За прекрасною мечтой.

Очень в Африку хочу

Очень в Африку мне надо,
Целый день о том прошу,
Папу, маму и сестренку,
Очень я туда хочу.
Покататься на слоненке,
Льву загривок почесать,
Только мамочка наверно
Будет обо мне скучать.
Папа спросит: «Где сыночек?
Где помощник мой родной?»
И сестра заплачет громко-
Очень плохо ей одной.
Лучше я останусь дома,
Поиграю во дворе,
Пусть мне Африка приснится
Этой ночью в чудном сне!

Северина Школьников
Израиль

Маяк

Я кубик на кубик
Кладу осторожно -
Так башню высокую
Выстроить можно.
Кубик оранжевый
Сверху
Не тронь!
Это зажег я
На башне
Огонь.
Пусть будет виден
Издалека
Всем капитанам
Огонь маяка!

Рис. Виктории Питуримовой

Навигация

- Открыта навигация!
- А что это такое?
- А вот, когда весною
Пойдет кораблик
В первый путь
Дорожкой голубою.

Рис. Вадима Горячко

Кораблик

Это - море,
Это - берег,
Это - мой кораблик белый,
Это - ветер поднялся,
Крепко дует в паруса.
Но тверда рука моя -
Правлю прямо на маяк.
Мчись, кораблик, по волнам
К самым дальним берегам!

Я открою остров

Не гоняй-ка, ветер, волны,
Ты крыло мое наполни,
Чтобы белое крыло,
В синь морей меня несло!
Из дали-дали далёкой
Принесли мне чайки весть:
Грустный там и одинокий
Остров неоткрытый есть.
Там невиданные звери,
Удивительные птицы,
На диковинных деревьях
Обезьянок вереницы.
Там живут тянитолкай,
Шестипалов бродят стаи...
Поплыву, его открою,
Там немного поживу,
А потом опять закрою,
Снова к маме приплыву.

Жарення

Весенняя прелюдия

Всякий раз в моей душе поют ангелы, когда весна пробуждается в нашем чудном городе - Костомукше. Город-сказка, выросший в заповедном таёжном крае, в любое время года хорош собою. Красив даже в начале весны, когда едва только пахнет весенним теплом. Костомукша, как красна девица после долгого сна, начинает прихорашиваться.

Природа раскрыла нам, костомукшанам, свои объятия, подарив чудотворные лесные куртины, разбросанные там и сям по городу. Островки берёз и рябин, лиственниц и тополей вдоль дорог, как драгоценное ожерелье на шее прелестницы, лишь оттеняют первозданную красоту молодого города. И озеро Контокки, окаймляющее лесистые берега, - настоящая жемчужина в красочном пейзаже.

По утрам я иду по знакомому маршруту, спеша на работу. Пересекаю площадь и проспект Горняков и поднимаюсь в гору, к улице Советской. И всякий раз моему взору открывались картины, одна фантастичнее другой.

...Давно ли, казалось бы, разлапистые ели и стройные мачтовые сосны были укрыты искристым пушистым снегом? О, кудесница-зима, ты творила чудеса! Особенно меня восхищал заповедный уголок, где росли стройные белобокие берёзы. Берёзовая рощица, встретившаяся на пути, невольно притягивала мой взгляд. На фоне фиолетового неба, усеянного звёздами, кроны деревьев, подсвеченные снизу уличными фонарями, сияли, как серебристые огромные шары. Эти чудо-шары будто выточил своим волшебным резцом гениальный мастер. В сияющем серебристом свете каждая веточка, снежной пылью покрытая, каждый её изгиб поражали воображение своей хрупкостью, тонкостью и изяществом отделки.

Как-то раз утром я захватила с собой фотоаппарат. И, проходя мимо полюбившейся мне рощицы, как водится, сбавила темп. Налюбовавшись вдоволь пейзажем, навела видоискатель на роскошные, с подсветкой, кроны и нажала кнопку - остановись же, мгновенье! Ликуя оттого, что успела запечатлеть на «цифру» такой великолепный вид, я, окрылённая, продолжила путь на работу. А потом, придя в свой кабинет, нетерпеливо разглядывала на экране компьютера снимки один за другим. И... на глаза вдруг навернулись слёзы. Досадно! Плоские изображения деревьев, увеличенные на мониторе, казались жалкой карикатурой на сказочную феерию...

Одно утешало меня: я приоткрыла дверцу в волшебный мир природы. Загадочная игра светотеней, алмазные грани снежинок, рассыпанные на ветках, и сами деревья, в кружевах изморози, точно кружащиеся в хороводе, - всё это навсегда будет запечатлено в моей душе.

... Но и весна - будто новая страница, что открываешь с радостным воодушевлением. Предчувствие её подобно предчувствию любви. Это как встреча со своей юностью - кто же не любил тогда?! В ту пору, помнится, мир был ярким, цветным, многомерным, как голограмма, и у тебя за спиной словно выросли крылья. Тому, кто часто летает во сне, это восхитительное чувство полёта знакомо. Ты ещё знать-не знаешь, ведать-не ведаешь, что ждёт тебя сегодня. От предвкушения чего-то необычного, ещё неизведанного, но, несомненно, прекрасного, радостно трепещет твоё сердце, и пульс бьётся громче, и звонче звенит твой голос. Земной путь стелется перед тобой ковровой дорожкой. Ты, как Бог, всемогущ. И, кажется, вот-вот протрубят триумфально трубы, и высший пик счастья наступит - ведь ты ждёшь Любовь.

Вот так же нетерпеливо ждёшь встречи с весной.

... Есть какая-то загадка природы в том, что в Приполярье она вступает в свои права неслышно. Но стоит лишь настроить струны своей души, то непременно услышишь её поступь. Весна ещё в марте дала о себе знать. На зачарованный город, утопавший в снегах, скованный морозами, с голубых небес хлынули солнечные лучи. Костомукша очнулась от зимнего очарования и... сбросила с себя ярмо зимы. Хотя ещё высились на городских просторах, зажатые тротуарами, снежные, метровой высоты, припорошенные песком, сугробы - последние зимние бастионы.

А первыми тяжёлые снежные шубы сбросили с себя деревья - они ближе к небу. Ноздреватый, как вата, снег - где-то большими шапками, где-то мелкими клочками - лежал на роскошных зелёных лапах ёлок и сосен. Висел непостижимым образом в сочлененных гибких веток хрупких осинки и в зарослях кустов.

Но вот и он растаял, сгинул в начале апреля. Тогда над городом прошумел первый весенний дождь. А это - знамение свыше, из небесной канцелярии: конец долгой холодной зиме, ребята!

Как вестник добрых перемен, подул тёплый ветер с далёкого Гольфстрима. Его тёплое нежное дыхание и душ из дождевых струй, льющихся с небес, и пробивавшаяся зелёная трава в лунках вокруг стволов деревьев, окружённых снежным панцирем, и трели птиц, перезимовавших в городе, громче и громче сливающихся в неумолчный стройный птичий хор, - всё это, как причудливое мозаичное панно, создаёт сама Мать-природа. И творенье её славное, Божественное.

Татьяна ЛИСИЦЫНА

Лидия Крошнина

Позабитая игрушка

Он сидит у подъезда
ничей.
Жалкий, грязный,
большой и лохматый -
Страж невольный
ночных фонарей.
Пред людьми без вины
виноватый.
Виноват, что не тот
экстерьер,
Неудачный окрас,
рост огромный.
Ни овчарка, ни дог,
ни терьер -
Виноват, потому и
бездомный.
Наигрались, и вот он,
итог -
Холод, снег, равнодушные
взгляды.
Он бы всё вам сказал,
если б мог,
Но не может,
а надо бы, надо!
Ночь рассыпала звёзд
хоровод,
А луна, словно хлеба
краюшка.
Одиноко по жизни бредёт
Позабитая кем-то
«игрушка»...

Аня Власенко

В ожидании лета

Скорее бы жаркое лето:
Умчит меня поезд опять,
Пойду по песчаному следу
У тёплого моря гулять.

Я буду беспечно весёлой
Смеяться, резвиться шутя,
А ветер сыграет мне соло,
Ветвями дубов шелестя.

Но быстро секунды летели.
И вновь уже север манит.
Мне снова приснятся метели,
И грустью наполнятся дни.

Родина

Родина - это когда ты скучаешь
По тихим озёрам в скалистой глуши.
Родина - это когда замечаешь -
Заслушалась песней для русской души.

Родина - это когда тебе нужно
Знать, что куда ни вела бы звезда,
Жарким ли летом, зимою ли вьюжной,
Можешь домой ты вернуться всегда.

Родина - это когда тебе дорог
Каждый цветок на любимой земле.
Здесь всё моё, все знакомы узоры.
Воздух здесь чище, и снег здесь белей.

Беседа

Дорогие читатели, у нас сегодня интересный гость и постоянный автор нашей газеты! Это - поэт, писатель и преподаватель, а также... директор школы-интерната № 23 города Петрозаводска для слабовидящих и слепых детей. **АНДРЕЙ ЕВГЕНЬЕВИЧ СУНГУРОВ** - разноплановый автор - и стихов, и очерков, рассказов и повестей (для детей и взрослых), которые широко печатаются в разных издательствах (в журналах «Мурзилка», «Кипитня», «Новые рубежи», «Север», «Школьный вестник», в газете «Лицей», в коллективном сборнике поэтов Карелии «Волны трав» и др.). Андрей Сунгуров - автор нескольких книг, в т.ч.: «Речка может простудиться?», «Волшебная зеленая страна», «Волшебная белая тросточка» «Горький шоколад». Карельская Республиканская библиотека для слабовидящих давно сотрудничает с известным карельским писателем

Тамара Москалёва (Т.М.): Андрей Евгеньевич, здравствуйте! В начале нашей беседы хочу заметить, что своей сказкой-быльей для детей «Я, Баба Яга и Пётр II, или Необычная экскурсия» Вы рассказываете с большой любовью о своем Петрозаводске. Кто влиял на Ваше мировоззрение?

Андрей Сунгуров (А.С.): Здравствуйте, Тамара! Я с детства люблю Карелию и Петрозаводск. Несколько лет в школе у нас работал краеведческий кружок. Вела его удивительный человек - Хельви Осиповна Инно! Каждую субботу и воскресенье мы ходили в походы. Сейчас мне захотелось поделиться с читателями о том, что я знаю.

(Т.М.): По всему видно - прекрасный человек и педагог эта женщина! Андрей Евгеньевич, вот я очень удивилась, когда недавно прочла Ваше замечание о том, что Вы не любили в детстве заучивать стихи, а стали... поэтом, не любили школьные уроки, а стали учителем, не любили бумажной волокиты, а стали... директором школы-интерната! Почему, не любя... стали?

(А.С.): Стихи, действительно, заучивались трудно. Я читал много прозы. В 5-6 классе за неделю прочитывал около двух тысяч страниц! А учителем стал... наперекор нашему преподавателю русского языка и литературы! Она была очень злой, детей не любила, заставляла зубрить тексты и ответы для «открытых» уроков. Мои одноклассники до сих пор не любят литературу! Я решил, что стану хорошим педагогом, а главное, добрым. А директором стал - надо было выручать школу. Иначе нам бы прислали какого-нибудь чиновника, который и не знает специфики нашего учреждения.

(Т.М.): Мда... Вот тебе и пример двух противоположностей!.. Пример того, какую память оставит человек (преподаватель) о себе... Андрей Евгеньевич, а Вы верите в Бога?

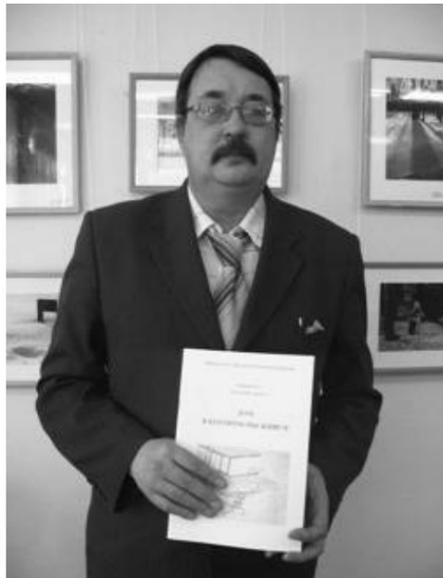
(А.С.): Да, я православный. С супругой венчались в храме. Но я толерантен и к другим религиям, понимаю - к вере каждый приходит по-разному, но секты не приемлю!

(Т.М.): Понятно. Ну что ж... перейдём к писательству. Когда у Вас, Андрей Евгеньевич, появился писательский зуд? да такой, что, как говорят: «уж нету мочи молчать»?!

(А.С.): Лет в 19. Я тогда учился на филологическом факультете пединститута. Очень много писал, прямо на лекциях. Понимаю, что написанное было очень наивным и несовершенным, но не писать уже не мог.

(Т.М.): ... По всему, Вы таким образом отдыхали от нудных лекций... Уважаемый Андрей Евгеньевич, в 2009 году незрячие всего мира отметили 200 лет со дня рождения основоположника специальной системы письма и чтения для слепых - Луи Брайля. Как известно, изобретённая им аж в 1825 году универсальная рельефно-точечная система (на основе шеститочия) утверждена ЮНЕСКО в качестве единственного тактильного шрифта, соответствующего печатному. При помощи различных комбинаций этих выпуклых точек кодируются буквы, знаки препинания, цифры, ноты и др. обозначения. И у меня два вопроса: как Вы думаете, почему при всей уникальности этого инструмента до сих пор раздаются призывы - глуже внедрять систему Брайля? И второе: Отметил ли Ваш интернат это событие и как именно?

(А.С.): Конечно, мы отметили этот юбилей. Провели совместно с местной организацией Всероссийского общества слепых конкурс на лучшего чтеца по системе Луи Брайля, организовали концерт для пожилых незрячих людей Петрозаводска. Рельефно-точечная система позволя-

ет многим сохранить остаточное зрение. И потом, когда человек слушает аудиокнигу, нет звучания «внутреннего» голоса - тебе «навязывает» диктор свое озвучивание.

И еще: в любой момент можешь остановиться и перечитать понравившееся предложение, фразу.

(Т.М.): Истинная правда. И уж коль мы упомянули ваш интернат мне вспоминается отрезок и моей жизни. Когда-то я несколько лет работала на заводе в Челябинске. Мы были шефами обществ слепых и глухих. Но с незрячими у нас был такой тесный контакт, что даже в гости ходили друг к другу. Дружили. Проводили совместные спортивные соревнования по многим видам спорта. В том числе, и по шахматам. Вместе участвовали в художественной самодеятельности в их клубе и нашем, заводском. Тёплое чувство осталось на всю жизнь. И не производили наши незрячие друзья впечатления ущербных, ограниченных... Они жили, работали, увлекались литературой, музыкой, любили, были счастливы или несчастливы. Всё, как у обычных людей... Только палочки, тёмные очки и книги толстые, специальные... А Вы пишете по «Брайлю»? Кодируются в эту систему Ваши тексты при издании книжек?

(А.С.): Сам я плохо владею системой Брайля, у меня низкая тактильная чувствительность пальцев. Если бы меня обучали этому виду письма в детстве - было бы иначе.

(Т.М.): Выходит, кто потерял зрение в зрелом возрасте, читать не сможет по этой системе? Очень жаль. Андрей Евгеньевич, в Вашей сказке «Волшебная белая тросточка» заложена идея (по вашему словам) «помочь детям не стесняться пользоваться белой тростью. Ясное дело, ибо тросточка - физическая необходимость незрячего. Но хочу остановиться на повести «Горький шоколад». И хочу отметить спокойное изложение жизнеощущения и взрослого авторского взгляда на преподавательский труд вообще и описание характеров ребят и педагогов, зачастую, также через ощущения. В повести много удивительных сравнений. И первая любовь... когда «Хочется свежего воздуха. Желание рассказать о сокровенном, о главном...» Вопросы-сомнения паренька, потерявшего зрение в сознательном возрасте. И выводы (с заявкой на деятельность) о завесах, преградах, «заборах» - «Если кто-то их воздвигает, значит, есть такие, кто может это разрушить?» Потерянная тетрадь... и с ней - кульминация - ещё один, новый шаг в новую неизведанную доселе... жизнь. И заключение, которое является основой рассказа, может быть основой жизни любого из нас: «Жизнь нельзя переписать с книжных страниц, её надо делать самому». И вопросы. Повествование в целом воспринимается как исповедальный рассказ одного лица, поэтому не понятно, зачем нужны подзаголовки? И следующий вопрос: это Вы написали о себе?

(А.С.): Да, очень многое я списал с самого себя: и как с ученика, и как с преподавателя. Удивительно, что спустя три месяца после публикации в журнале «Школьный вестник» я и стал директором, и очень многое предугадал.

(Т.М.): А как по Вашему мнению (учителя русской словесности, филолога) нужно относиться к русскому языку, а точнее, к вышедшим нынче из употребления вовсе или редко употребляемым русским словам: идти за течением, засоряя родной язык иностранщиной и с прене-

брежением топтать-растантывать старинные русские словечки-бриллиантики, или наоборот - возрождать, поддерживать - не дать умереть исконно русскому языку? Ведь разговорный язык - как... река, как... живой организм, как клетки этого живого организма: одни слова умирают, другие - новые, в него прибываются - питают эту реку. Но слова: как бы; шопинги; релаксы и т.п. - злокачественные новообразования, паразитирующие на чистоте языка...

(А.С.): Я - за сохранение русского языка в своей самобытности. Поэтому всегда поправляю своих учеников, когда они используют сленг или «новообразования».

(Т.М.): Как Вы считаете, почему отдельные писатели позволяют себе опускаться не только до жаргона, но и до мата?

(А.С.): Желание выделиться во чтобы то ни стало. Скандальная слава. Это - от высокой культуры.

(Т.М.): Вполне согласна. Интересно бы узнать вот что - Вы постоянно заняты писательскими мыслями, новыми текстами? Или озарение пронзает до кончиков пальцев импульсивно-периодически? Проще говоря, работаете по вдохновению или подобно станочнику - «от сих и до сих»?.. Где и в какое время суток происходит «творческий процесс - это такое «насиживание»? (Окружающие не мешают?)

(А.С.): Пишу на скучных и длинных мероприятиях. Стихи приходят в самый неподходящий момент: в транспорте, когда иду на работу пешком. Обдумываю долго, иногда по несколько месяцев. А потом как накатит! Тут могу и сутками работать!

(Т.М.): Этакий «запой»? А какая процедура обнародования того, что «высидели-выстрадали»?

(А.С.): Есть публикации в газетах и журналах, коллективных сборниках.

(Т.М.): Значит, сама процедура - это хождения по редакциям или (и) отправки рукописей для читателя останется Вашей тайной? Тогда снова два вопроса: что испытали, когда вышла первая Ваша книжка? И второй: какие ощущения овладевают Вами после выхода очередной книжки? Схожи ли по накалу с первым рождением «творческого плода»?

(А.С.): Испытал чувство радости. Я сделал щедрый подарок читателю! И вдвойне обрадовался, что книга быстро разошлась. Вторую мою книгу уже ждали.

(Т.М.): Счастливая судьба и книги и, конечно, автора, книгу которого уже ждут! Вы сами находите издателей книжек или издатели толпятся в очереди и «рвут» друг у друга Ваши рукописи? Издаёте книжки на собственные средства - потом дарите, продаёте? Или... Выгодно ли в материальном плане писательство для Вас? Совпадают ли интересы душевной потребности с материальной выгодой? Или писательство - сплошной расход и только?!

(А.С.): Книги я издаю за свой счет. Выпуск книг с цветными иллюстрациями для детей - это дорого. Конечно, ни о какой выгоде речи нет. Но обидно: есть люди с большой мощью, могли бы поддержать. Нет, лучше потратить на материальное!

(Т.М.): «Своя рубаха - ближе к телу!» - так, наверное... Андрей Евгеньевич, как известно, настоящие писатели, да и все высококлассные творческие натуры, - народ, требовательный к себе (в первую очередь) и вечно недовольный собственными работами. А.С. Пушкин, например, Л.Н. Толстой... Известно, что даже будучи лауреатом Нобелевской премии, И.А. Бунин при каждом новом переиздании своих произведений постоянно делал текстовые поправки. Как Вы относитесь к такой авторской самокритичности?

(А.С.): Когда книга выходит в свет, начинаешь замечать некоторые огрехи. И возникает желание переделать что-то.

(Т.М.): Вы уже поняли, что Андрей Сунгуров - писатель?

(А.С.): Совершенно определено!

(Т.М.): Кого из писателей любите?

(А.С.): Марк Твен, Анна-Катрин Вестли, Виталий Коржиков, Федор Достоевский, Антон Чехов.

(Т.М.): Андрей Евгеньевич, если можно, скажите несколько слов о семье.

(А.С.): Женат. Супруга педагог в детском саду, сыновья - школьники-выпускники 16 и 18 лет.

(Т.М.): Чего Вы ждете от современной молодежи?

(А.С.): Ожидаю только позитивного. Они - другие, но славные. А извечный конфликт «отцов и детей» - так это ж здорово!

(Т.М.): Большое спасибо, Андрей Евгеньевич, за беседу. Здоровья Вам и творческих успехов!

Интервью Тамары МОСКАЛЕВОЙ

Андрей Сунгуров

На Валааме

Над Куполами серебро
Холодных звезд ночных в полете.
И воскрешается добро,
Которого так долго ждете.

Под куполами - инвалид
В коляске, смотрит слепо в небо.
И оттого душа болит,
Что я с тобою рядом не был.

Война безжалостно прошла
В слепящей ярости сражений.
И потому лишенный глаз
Достоин просто уваженья.

* * *

Звезда горела над погостом
Великий символ, знак, маяк.
И безмятежно плыл мой остров
Неведомо, куда и как...

Волна спешила, торопилась.
Из года в год, из года в год.
И как-то просто получилось,
Что остров мой плывет, плывет.

Плывет собор, плывет часовня
И колокольный звон в ночи.
Как верный друг - немногословен,
О главном с другом помолчим.

Звезда горела ярко-ярко,
А остров плыл куда-то вдаль.
Мне почему-то стало жалко
Погоста кижского печаль.

Печаль о жизни той далекой,
Не до конца понятной мне.
Открытым озером, протокой
Плыл Кижистров по волне.

Художнику,
расписывающему матрешку

Нет ничего. Она «белье»,
Я распишу сейчас ее.
Я, как Творец, ее творю,
Я даже с нею говорю.
Я спорю с ней, я ссорюсь с ней
По поводу ее бровей
И цвета глаз, прекрасных глаз
Мы с нею спорили не раз.
Она кокетлива, смела.
Она капризна и мила.

А муж воскликнул: - «Боже мой!
- Характер у матрешки твой!»

Белье - нераскрашенная заготовка
матрешки или деревянной фигурки.

Онежская регата

На Онежском озере -
Чудеса!
Радугую вспыхнули
Паруса!
Яхты белоснежные
На волнах.
Чайки быстрокрылые
В облаках.
Паруса красивые.
- Ветер, вей!
Яхты соревнуются:
- Кто быстрее?

Любовь...

Ты даже не знаешь, какая ты песня,
И даже не знаешь, какое ты счастье!
(Э. Асадов)

Оля опоздала. Ветром проскользнула в клуб, остановилась у порога. - «Лунная соната»... На сцене за роялем - незнакомый молодой человек.

Девушка тихо прошла в зал, под села к Наталье Перфильевне - завклубом.

- Кто это? - кивнула на сцену.
- Тш-ш... Слушай!... - прошептала Наталья Перфильевна, - Музыкант наш новый - Василий Николаевич. А ты чего опаздываешь?

Василий Николаевич сыграл последний аккорд.

- Всё, всё, всё! - Наталья Перфильевна захлопала в ладоши. - Быстренько продолжаем репетицию! Оля, на сцену! Василий Николаевич, познакомьтесь - наша Оля, сопрано!

Василий Николаевич аккомпанировал, негромко поправлял:

- Пожалуйста, здесь усилить, - проигрывал мелодию, делал Оле знак. - Ещё раз, и...

Ольга повторяла, слушала замечания, а сама с интересом одинокой женщины украдкой разглядывала Василия Николаевича - «Хм... Приятный... Волосы какие богатые - пышные, волнистые. Хорошо выбрит... А что ж такой бледный?.. Костюмчик красивый, похоже, импортный», - отметила она, - «манжеттики белые - интел-лигент... Благоухает... мм - парфюм, видно, дорогой. Очки новомодные затемнённые, а оправы-то... оправы... Ну прямо франт! Да, красивый парень - ничего не скажешь!» - заключила Ольга.

И тут её взгляд упал на изящную нежно-голубую тросточку с белым околышем. «А ... это ещё что?.. Ничего не понимаю... Он... он слепой... что ли?.. А-а-а...» - Оля закусил губы. - «Так и есть - слепой... музыкант. Хм...» - разочарованно вздохнула, - «жа-аль».

Репетиция закончилась.
- Девочки, не расходитесь! - попросила Наталья Перфильевна, - Кто проводит Василия Николаевича? Признавайтесь, кому по пути? - Выяснилось - Оле.

Василий Николаевич теревил тросточку тонкими пальцами, неловко улыбался: «Ну что Вы, я - сам...»

***

Вечерело. Молодые люди под руку шли по неширокой осенней улице. Народ обгонял, задевал, торопился в магазинчик, что притулился у тропинки. Магазиная очередь расплылась в пол-улучки.

Неожиданно из толпы вынырнул кудлатый мальчишка-велосипедист. Он мчал напролом, виляя рулём, истошно тренькая. За ним скакала огромная дворняга с куском верёвки на шее.

- Доррогуу! Тормоза не работают! - заполошно орал парень.

Ольга с Василием Николаевичем прижались к кромке. Горевелосипедисту явно не хватало места:

- Слеп что ли? Вишь тормоза не работают! - приближаясь, кричал он Василию Николаевичу, стоявшему с краю.

Собака ошетилилась, грозно зарычала. Василий Николаевич испугался, метнулся в сторону велосипедиста. Тот ловко увернулся и угодил в газон, окатив Василия Николаевича жирной грязью.

- А ты чего на людей несёшься, как ошалелый! Да ещё с собакой. Иди вон на дорогу и гоняй, сколько влезет! - вступилась Ольга, привлекая Василия Николаевича ближе.

Василий Николаевич бормотал извинения, вытирал платком лицо. Ольга снимала грязные ошметки с его костюма.

Крупная распаренная бабка, чертыхаясь, вывалилась из магазина с буханкой хлеба.

Увидев взволнованную пару, она прикрыла ладонью рот:

- А-а-а... Надо же-е... какой молодой и слепой. - Она, шумно вздохнув, кивнула Ольге. - Ох, милка, по всему видать, тяжёлохонько тебе с ним...

Бабка проворно уложила хлеб в кошёлку, подправила взлохмаченные волосы в драный полудрап и тяжело пошаркала восвосяи, бубня и качая головой.

На остановке народу было немного. Сели в полупустой трамвай. Разговорились. Ольга поведала, что работает инженером на заводе, увлекается пением, что уж год, как рассталась с мужем.

- Вы одна живёте? - вежливо поинтересовался Василий Николаевич.

- С бабушкой.

- А я вот - «мамин-папин сынок», - молодой человек добродушно улыбнулся, - живу с родителями и сестрой, - повернулся к Ольге, - Оля, Вам интересно?

- Конечно.

- Ну вот... Учился в музыкальном интернате - я ведь стал незрячим в два года. Ну а потом - училище. Сейчас - консерватория. И подработка у вас в студии...

Поговорили ещё о том, о сём.

- А Вы цвета знаете, ну... хотя бы помните? - осторожно спросила Ольга.

- Смутно... Знаю: солнце - тёплое, значит, красное; холод - синий, всё просто! - Василий Николаевич погладил тросточку, - Знаю, что вот эта палочка - голубая, пластмассовая... Да, чуть не забыл, ещё - польская, - засмеялся он.

- А читаете как?

- Пальцами. У нас есть специальные книжки.

Частенько после занятий, Ольга просила Василия Николаевича сыграть что-нибудь.

- С удовольствием. Снова Бетховена? - спрашивал музыкант.

Пройдись по клавишам, он играл. Играл с чувством, с настроением, чуть наклонившись вперёд и покачиваясь, изредка кивком откидывая прядь тёмных волос. Зал наполнила чудная мелодия... В эти минуты девушка боготворила Василия Николаевича: «Господи, ну почему же судьба так несправедлива?»

Потом они отправлялись по домам. За разговором незаметно пролетала дорога. Вместе шли до угла. Попрошавшись, Василий Николаевич сворачивал направо, привычно ощупывая тросточкой мостовую. Ольга направлялась прямо. И так три раза в неделю.

Иногда Василий Николаевич предлагал:

- А давайте сегодня прогуляемся пешком.

Пусть трамвай себе идёт!

***

Был свежий воскресный денёк. Василий Николаевич читал стихи Эдуарда Асадова. Он замедлил шаг, нарасспев закончил последнюю строчку:

- «Только звёзды да ночь, да цыгане поют!..»

Здорово, правда?!

- Замечательно, - согласилась Ольга. - Слышала о поэте, но читать не приходилось.

- А я много его стихов знаю наизусть. Читайте и, будто с закадычным другом, разговариваю, верите? Асадов ведь тоже слепой.

Молча спустились к набережной. Далеко у лунок на белом льду задылые рыбаки ловили рыбку большую и малую. По берегу в серебристо-синий парк торопились лыжники. Но вот лениво закружил редкий снежок, заискрился на солнце. «Красотища! Жаль, Василий Николаевич не видит...»

- Ой, снег летает... и ветром пахнет!.. Как здорово!.. - Василий Николаевич снял перчатку, выгнул ладонь, ловя снежинки. Неожиданно спросил - А Вы, Оленька, я понял, любите Бетховена?

- Очень.

- А вот Бетховен был глухой. За что такая пытка композитору? Трагедия. Кажется, наказание выше всяких композиторских сил, правда? А Бетховен не только жил, но ещё и какую музыку сочинял! Да... - Василий Николаевич остановился, поправил на плече сумку.

- Вот я часто думаю, а кто я такой?.. - он загадочно улыбнулся, себе же ответил: - Простой смертный, один из миллионов. Да, не вижу. Не вижу, но зато я слышу! - воскликнул он. - Слышу! И это здорово! Это - счастье!

Девушка недоумённо посмотрела на спутника: «М-да... счастье...»

Снежок рассеялся. Они подошли к своему перекрёстку.

***

Минувла зима. Сегодня Ольга задержалась (водит за ней такой грехо!) - Здравствуйте, Василий Николаевич!

- Добрый день, Оленька, - обрадовался Василий Николаевич. Он сидел за роялем, что-то наигрывал.

- А где все?

- Девочки уже отзанимались, а Наталья Перфильевна в кабинете.

- Оля, ну ты чего опаздываешь-то? - в дверях появилась завклубом. - Василий Николаевич уже тебя ждался, правда, Василий Николаевич? - обратилась она к музыканту. Понизив голос, сказала Оле:

- Ты хоть понимаешь, что человека заставляешь ждать? Нехорошо, - покачала головой. - Наталья Перфильевна пригласила Ольгу на сцену и вышла.

Василий Николаевич вдруг заволновался: - Оля... давайте позанимаемся чуть позже, а сейчас... хотите послушать музыку?

- С удовольствием!

Девушка присела в кресло.

Василий Николаевич положил руки на колени... медленно поднял и... тронул клавиши...

Звуки то замирали, то брызгами выплёскивались из-под рук.

Ольга, прикрыв ладонью лицо, слушала дивную мелодию.

Но вот музыка стихла... Василий Николаевич снова опустил руки на колени...

- Чё это произведение? - после минутной паузы спросила Ольга.

- Вам понравилось?..

- Очень... просто нет слов... Кто автор?

- Я...

- Вы?..

- Да... Это - вальс. Я посвятил его... Вам, Оля...

- Василий Николаевич... хм... надо же... так приятно. Вы же - настоящий композитор! Спасибо... тронута...

***

По чистым весенним бульварам гулял рядный люд. Задорно перезванивались трамваи. Из зелёных городских клумб выглядывали анютины глазки, кивали шляпками ромашки.

Обычно разговорчивый, Василий Николаевич был молчалив.

Вот и место расставания. Сейчас попрощаются и разойдутся по своим делам.

- А что, Оленька, махнём в ресторан? - вдруг предложил Василий Николаевич, но тут же испугался, боясь отказа.

- А почему бы и нет! - быстро ответила Ольга, словно ждала приглашения.

Они пили лёгкое вино, смеялись, слушали музыку. Василий Николаевич чуть охмелел:

- Потанцуем?

- Конечно!

Он нежно привлек Ольгу, обнял, горячо зашептал:

«Не уходи из сна моего

Теперь, когда ты, наконец-то, рядом

Улыбкой и сердцем, теплом и взглядом,

Мне мало, мне мало уже всего!

Не уходи из сна моего!»

- Асадов? - угадала Ольга.

- Асадов...

Они медленно шли по набережной. Было ещё светло. Солнце жарким караваем повисло над речкой. Сквозной ветер трепал волосы. Василий Николаевич о чём-то думал. Отвечал невпопад. Неожиданно остановился. Взял Олину руку, прижал к губам.

- Оленька... я... я люблю Вас, - тихо, чуть не плача, признался он.

Ольга опешила: «Вот нич-чего себе, Василий Николаевич... огоршил!..»

Такого признания она почему-то никак не ожидала. Разве может человек, ни разу не видевший её... полюбить?

- Что делать?.. - спросил нерешительно Василий Николаевич. - Люблю давно... как только услышал Ваш приятный, душевный голос. Наши прогулки, беседы... Вы - добрая, умная... Вы понимаете меня. Вас нет, я скучаю. Не могу без Вас... Помолчав, затворил: - Скажите, что мне делать... Оля?

Перед Ольгой стоял, опустив голову, уже не романтически-загадочный красавец-музыкант, а жалкий слепой человек с блуждающей улыбкой и покорно ожидающий ответа, как милостыню.

Женщина видела, что Василий Николаевич не шутит. Знала и то, что она испытывает к нему лишь сострадание с того момента, когда увидела его тросточку. «Господи, «что делать?..» - хм... ничего! - Ольга сморщилась, пожалала плечами, - Какая... любовь, о чём он?»

Вдруг вспомнился случай с мальчишкой-велосипедистом... Ольга вспомнила, как однажды Василий Николаевич пришёл покорябанный, с кровоподтёками и ссадинами на лице. Винового объяснил: «Водитель-сосед у подъезда оставил грузовик с арматурными прутьями. Я и наткнулся...»

«Ну и что, - сердито думала Ольга, - вот так каждый раз и будет? Ему же нянька нужна, а не жена! Слепой, а туда же - «люблю»... Не-ет... Нет, нет! Скажите мне такие радости? с какого перепуга?» Хмыкнула: - «Допровожились... допрогуливались... ещё - ничем ничего, а у него уже мысли - куда тебе там...» Она отчужденно стояла рядом, наконец, решилась:

- Василий Николаевич... дорогой, - как можно мягче сказала она, высвобождая руку. Молодой человек съёжился в ожидании приговора...

- Василий Николаевич... - она взглянула на него, раскрасневшегося то ли от волнения, то ли от выпитого. - Вы - милый, добрый... замечательный...- Ольга поправила ему шарфик. - Я... очень... уважаю Вас... Но... поймите меня правильно, Вы мне нравитесь... она помолчала, подбирая нужные слова, - как человек... как музыкант... Не больше... Понимаете?... Она погладила Василия Николаевича по плечу. - Мы не можем быть вместе... не можем. Извините меня... Пожалуйста...

Он слушал, нервно потирая лоб. Наконец, унял волнение, проищёсь чуть слышно:

- Да... конечно... Вы правы. - Покачал головой. - Извините и Вы меня, наивного глупца... С трудом улыбнулся, поднял голову, поправил очки.

- Ну... что, Оленька, по домам?..

Они расстались у знакомого перекрёстка.

Он, слегка подавшись вперёд и привычно ощупывая тросточкой бульварный мостовую, повернул направо.

Она, постояв минуту, проводила его взглядом, вздохнула... и - решительно пошла прямо.

Больше Ольга в студию не приходила. Ни когда.

***

«Не уходи из сна моего!
Сейчас ты так хорошо улыбаешься,
Как будто бы мне подарить стараешься
Кусочек солнышка самого.
Не уходи из сна моего!»

Не уходи из сна моего!
Ведь руки, что так меня нежно обняли,
Как будто бы радугой в небо подняли,
И лучше их нет уже ничего.
Не уходи из сна моего!..»

(Э. Асадов)

Тамара МОСКАЛЁВА
Нью-Йорк, США

Удача

Тридцать лет назад был морозный зимний вечер. Точнее, шестой час после полудня. Зимой, в декабре, в это время у нас в городе устанавливалась совершенная темнота, разбиваемая через определенные промежутки светом электрических ламп. И вот в такой вечер ровно тридцать лет назад зашла я после работы в продуктовый магазин. Невесело они выглядели в восьмидесятые годы прошлого столетия да еще за два часа до закрытия. Соль, рожки, говяжий жир, пачки маргарина, какие-то баночки с какой-то несъедобной икрой из каких-то овошей - вот, пожалуй, и все. Делать в таком магазине было нечего, но моё чуткое покупательское ухо уловило, что это не совсем так. Только что в магазин завезли рыбу камбалу. Нескольким женщинам уже стояли возле рыбного отдела, заглядывая в таинственный проем, за которым скрывалось внутренне помещение магазина - рай для блатных и нужных людей. Робкая неуверенная надежда светилась в их глазах и трепетала во всем их облике. В проеме показалась продавщица. Она сказала нам, что рыбу - камбалу точно привезли, но она представляет сейчас собою смёрзшиеся бруски, очень большие и тяжелые. Продавать рыбу будут только завтра, когда она оттаивает. «Впрочем, - добавила продавщица, - можно купить и сейчас целым бруском, если хотите». Женщины и я тоже пожелали купить рыбу брусками. Можно было нас понять. Такая удача выпадает раз в сто лет. Подумать только, без очереди многочасовой, разом вот, махом овладеет десятком, а может быть и больше килограммами рыбы, которой мы в глаза не видели лет двадцать, о которой хранили в душах наших самые хорошие, светлые воспоминания. Это ли не удача?

Мой брусочек увеселил на грузовых весах. Грузчик вытаскил мне его из-за прилавка. Надо было доставить рыбу домой. Но как? У меня в сумочке лежала большая авоська. Я обвязала брусочек авоськой, а к авоське привязала шарф, который я сняла с шеи (благо он был длинный). И поволокла я свою рыбку домой. На улице было темно. Прохожих немного, никто не обратил внимания на меня и на то, что я волоку по снегу. Мерзлый брусочек легко скользил за мною следом. Дом, в котором я жила, находился неподалеку. И благополучно добралась до подъезда. Но как поднять неподъёмный для меня груз на четвёртый этаж? Я остановилась у подъездной двери в ожидании счастливого случая. Он вскоре подтвердился. К дому шел мой сосед по подъезду Коля, добрый и отзывчивый пьянчуга.

- Коля! - крикнула я ему. - Помогите рыбу занести домой. Я вам потом подарю две рыбины за это.

Коля бегом глянул на рыбу и не удивился.

- Годится, - только и сказал он, нагнувшись, подхватил брусочек обеими руками и взвалил его себе на спину. Пошатавшись, он тащил рыбу наверх, одолевая ступеньку за ступенькой, внес его в мою квартиру и положил на пол в прихожей.

- Хороша рыбка, - похвалили он. - Где поймала?

- В нашем магазине. Там её брусками продавали. Смерзлась она. Не отдерёшь поштучно. Но как начнет оттаивать, я тебе две штуки принесу.

- Не надо. Сам куплю, - проговорили Коля и заспешил в магазин.

А я села на пол возле рыбы, не веря своей удаче. А потом я её разъединяла. Часть рыбы я отдала брату, часть тете и дяде. Все были очень довольны. Чудные были времена. Тогда нам для счастья было нужно совсем немного, чуть-чуть удачи и везения. А теперь... Теперь рыбы на базарах и в магазинах хоть завались. Та же камбала затерялась среди лососей и горбуши, а мы всё недовольны, всё кукуемся и страдаем, всё жаждем перемен и революций, не к ночи будь они помняты. А ведь был-то тот зимний вечер всего тридцать лет назад. Только не всем он запомнился.

Ирина МИЛЯНОВСКАЯ

Евгения Виленская
г.Красноярск

Свежа весенняя листва,
Как той весной неповторимой.
Твои лучистые слова
Мне снились снова, мой любимый.

И вновь, как много лет назад
По переулкам незнакомым
Мы шли, куда глаза глядят,
Не узнавая дом за домом...

Ты слышишь, как поют сердца,
Как растворяются тревоги?...
Мне не проснуться до конца,
Я там, с тобою, на дороге.

Ирина Иванова

г.Костомукша

Военное детство

Красивое детство, безоблачный мир
От этих детей дым военный затмил.
«Военное детство» - звучит, как набат.
Им некуда деться от слез и утрат.

Подводы, бомбежка, дорога и пыль,
А хлеба немножко, не сон это – быть.
На долгие годы в ребячьих сердцах
Останется боль и хронический страх.

И каждый из нас ощущает в себе
Участие к их незавидной судьбе.
Их детство прошло стороною тогда,
И зрелыми стали молодые года.

Поклон им от нас и спасибо за всех.
За то, что на улицах радостный смех.
За небо высокое, а не в дыму.
За мир и спокойствие в нашем дому.

Татьяна Вьюжная

г.Костомукша

У Вечного огня

Была нелётная погода...
И дождь струился за окном,
Словно оплакивал кого-то
Этим весенним майским днём.

Была нелётная погода.
Рыдали ивы на заре,
Туман стелился по болоту,
Стыл холод, словно в декабре.

Стояли ратники седые,
Печально головы склоня.
Поникли травы луговые...
Лишь трепет Вечного огня

В минуту скорбного молчанья,
Погибших помня имена,
Победу в противостоянье
С фашизмом. Такова цена

Была заплачена сынами
И дочерьми всей страны,
Чтобы ни днями, ни ночами
Эхо не вторило войны.

Чтоб не текли кровавы реки,
Не слышен грохот канонад.
Вчера, сегодня и вовеки
На небе – яркий звездопад;

Земля, укрытая цветами,
А не осколками от мин,
И дети с чистыми глазами
Улыбкой радовали мир.

В минуту скорбного молчанья
К подножью Вечного огня
Склоняем главы с покаяньем,
Ушедших в памяти храня...

Мечта

Мечту Пахом имел красивую. Вот вернётся он в деревню в кафтане красном, в шапке соболиным мехом отороченной, в сапогах чистых, а рядом красавица-супружница развалится в колымаге.

Куры вкочуют под заборами, скребут землю петухи, у зацветшей сажалки гуси с утками, крылья растопырив, отгрызаются меж собой. Яблоки висят через заборы: кожица тонкая, вкус медовый. Сорвешь наливное яблочко - ветка хлестко вверх подается да град их посыплется. Отбегай, иначе в голову угодят!

Вьедет он, звеня бубенцами, сверкая сбруей начищенной. Ленты от ушей конских по гривам струиться будут радугой яркой-яркой. Нет, лент, пожалуй, не надо, чай не цыган какой Пахом - засмеют, скажут:

Что же ты нарядил коней, как на свадьбу? А Пахому и ответить нечего.

Старухи первыми приметят его, вылезут, встанут у калиток, руки ко лбам приложив, от солнца закрываясь:

- Глядите-ка, боярин знатный пожаловал!

- Да не боярин это верно, а сам царь-батюшка со царицею решили прокатиться до наших мест.

Дети подбегут:

Боярин, дай копеечку.

Парни с девицами, признав его, кинутся звать Настёну:

- Пахом вернулся! Дура, кидай стряпню да беги смотреть!

- Пахом... - выронит Настёна миску из рук да, обмякнув, сядет. - Я же его ждала, - побелевшими губами вымолвит.

- Да не дождалась! - весело хлопнет в ладоши первая деревенская красавица Антонина. - Жену он привёз!

- Вы причешите меня, подруженьки, дай-те свои лучшие наряды, - хочу ему показаться на глаза во всей красе, - взмолилась Настёна, - авось, будет у нас с ним любовное свиданье, - и, грозя на улицу кулаком, скажет со злобою: - супружницу его изведу!

А подруженьки в ответ:

- Нету гордости! Не дадим тебе нарядов и чесать тебя не станем. Выходи в чём есть. Раньше надо было думать, а не шапши с другими водить! Да Пахом такой молодец, что держаться за него надо обеими руками, а не нос воротить!

- Да что же вы, подруженьки, будто с глузду съехали! Не жить мне теперь - топиться пойду от несчастной любви да предательства.

В сторону толкнёт подруженьку. «Держи девку! - крикнут родители. - Девка-огонь - руки наложит!» - да Настёна прыткая: дверь загорода - в окно выпрыгнет.

И побежит она в ярости. Коса растреплется, сарафан на бок, румянец по щекам яблочный... а тут Пахом навстречу: стой! - коням, мчавшимся по улице.

- Куда бежишь, ошалелая? Глаза разуй! Под копыта захотела?! - накинется на неё, а потом разглядывая девку испуганную, скажет: - А это ты, Настёна! Ну здравствуй, здравствуй. Не узнал - выросла. Приходи вечером, будем ждать с женой Пасковью Васильевну... в деревню в гости к нам.

Отчего Пасковья Васильевна жена будет у него - Пахом не знал. Непонятно, откуда имечко это вылезло, засело в голове. Может, где и живёт такая красавица, аль девка обычная, только пускай себе живёт и сердце Пахомово не тревожит.

Ольга СЕМЁНОВА

Василий Романов

Р. Татарстан

Снеготал

Заиграй, овражки,
Загуди, леса.
Перезревшей бражкой
Хлынула весна!

Загуляй на воле,
Ветерок, в полях,
Будешь тёплой долей
Наделён на днях!

Перетянет чашу
Ростепель-апрель,
И ручьи погонит
В снежную купель.

И в лесных поветьях,
Просветлённых вглубь,
Водоталье слепит,
Отражая муть.

Скапливая воды
Под осевший снег,
Силы лог готовит
Для разлива рек...

Веркина миссия

Дверь с треском распахнулась, саданула ручкой по стене, обвалив кусок побелки. Что-то загрохотало, зазвенело, должно быть, завалился шкаф с рабочей одеждой. Он перегородил коридор на две половины. Первая, вроде парадного входа в хатку. Здесь лежал на полу вытертый коврик, стояла полочка для обуви. А вторую половину использовали как кладовую для хранения всяких ненужных вещей. Тут примостилось старое кресло с порванной обивкой. Раскорячился сколоченный наспех стеллаж для пустых банок, громоздились коробки, набитые вышедшим из моды тряпьем. Носить нельзя, а выбросить жалко. Каждый раз, возвращаясь домой в подпитии, Федор то дверцу у шкафа вывернет, то ручку с мясом вырвет. А теперь вот и вовсе завалил. Вера уронила нож, и он с тихим плеском утонул в кастрюльке с начищенной картошкой. Вытирая мокрые ладошки о фартук, она выглянула в коридорчик. Так и есть. Федор всем своим могучим телом навалился на злополучный шкаф, тот, не выдержав напора, рухнул на стеллаж с банками. Так они и лежали в коридорчике рядком: шкаф - на стеллаже, Федор - рядом. Кожаная куртка мужа покрылась подсохшей коркой грязи. Видно, по дороге домой Федор успел повалиться в луже. Мокрые полурасстегнутые брюки сползли, обнажив солидное брюшко. Вера молча перешагнула через распростертое тело мужа, закрыла входную дверь на замок. Взяла с кресла маленькую подушку-думку, подложила под голову мужа, погасила свет и вернулась на кухню.

За годы семейной жизни любовь Федора выпить как-то незаметно переросла в неуравновешенную страсть. Вера сначала злилась, скандалила, потом только плакала, жалея себя, потом плакала, жалея Федора. Но жалеть мужа она начала не сразу. Как-то, когда казалось все - больше нет сил терпеть! - задумала Вера уходить от мужа. В тот день шла она мимо церкви и сама не поняла, зачем, но зашла. Словно сами ноги привели. В Бога-то она не то, чтобы верила, а так, как все. Яйца на Пасху красила, да если приснится отец или мать умершие, ходит на следующий день в церковь, поставит свечку. Вот и вся вера. Батюшка слезный рассказ Веры выслушал и покачал головой:

- Беда у мужа. А ты его в беде оставить хочешь. Грех это. Твой муж - твой крест. Ты сейчас от своего креста избавиться хочешь, облегчение себе сделать. Но тогда твой крест понесут твои дети.

- Нет, у нас детей, батюшка! Бог не дал! - А ты молись, дочь моя. По молитве твоей, по вере и воздастся.

Вера затуманившись от слез глазами смотрела, пригорюнившись, на строгое юное лицо молоденького священника и думала: «Легко тебе говорить, а каково жить с пьяницей!» Но от мужа не ушла. А наоборот, как советовав батюшка, начала Федора жалеть. Запал ей все-таки в душу тот разговор, и глаза

батюшки, строгие и участливые. Только поначалу не очень получалось жалеть, больше прибить хотелось. Но Вера старалась не замечать безобразий пьяного мужа, перестала ругать его, молча укладывала пьяного Федора спать, молча перестирывала замаранную одежду.

- Дура ты, Верка! Ой, дура! - возмущалась единственная Верина подружка Танька. - Ты же жизнь свою под ноги этому алкашу несчастному кладешь. Гони ты его в шею! Ты еще молодая, замуж выйдешь, родишь.

- А Федора куда девать? Он же совсем сопьется без меня. Погибнет.

- Вот дура! Блаженная! - сердилась Танька и уходила, хлопнув дверью.

А Вера купила в церковной лавке икону Божьей Матери «Неупиваемая чаша» и поставила на книжную полочку за стекло. Сейчас она зашла в комнату, где стояла икона, прислонилась пылающим лбом к прохладному стеклу и заплакала.

- Не могу больше! Сил моих нет! Ну, нету моченьки терпеть! Уйду! Зачем я живу с ним? Зачем я вообще живу? Забери ты меня, не могу я больше! Не могу! - Вера уже кричала в голос. Слезы застилали глаза, солоняватый ручейком затекли в рот. Она судорожно глотывала их, а они все бежали и бежали, словно все горе ее, накопившееся в душе, прорвалось, как река через плотину, чтобы враз излиться горючими слезами.

Печальное лицо Богородицы оказалось совсем близко. Ее вздытые к небу руки выражали безутешную скорбь. Сквозь затуманившееся стекло Вера видела большие тоскующие глаза девы Марии, жалеющие ее, Веру. И показало вдруг ей: слезинка скатилась по смуглой щеке Богородицы. Вера сильно зажмурилась, поморгала и приблизила к иконе испуганные глаза. Ну, да! Вот она, слезка! Живая! Дрожащими непослушными руками Вера отодвинула стекло и замерла, пристально глядя в лицо Богородицы. И вдруг совершенно неожиданно для себя легко коснулась губами ее щеки, там, где остался влажный след слезы. Губы ощутили тепло и персиковую бархатистость лика. Почудилось? Живая? Да нет! Не может быть!

Утеревшись фартуком, Вера пошмыгала носом, успокаиваясь. На икону она старалась не смотреть. Ее смущал и волновал пристальный взгляд Богородицы. Собравшись с духом, Вера осторожно достала икону из-за стекла, машинально ладошкой смахнула пылинки, прижала Богородицу к груди, как ребенка, и побрела в спальню.

- Надо же! Заплакала! - шептала Вера смущенно, неловко поглаживая икону, - пожалела меня! Надо же!

Вера, не раздеваясь, прилегла на кровать, по-прежнему прижимая икону к груди. Она держала ее так, как все матери мира держат своих первенцев. Бережно. Она поглаживала ее, нежно касаясь ладошкой картонной изнанки лика. Так мать гладит головенку пришедшего к ней ребенка.

- Ты не плачь! - приговаривала Вера. - Не расстраивайся! Подумаешь! Муж пьяный домой пришел! В первый раз что ли! Я сильная. Я выдержу. Только ты не плачь. Ладно?

Я не стою твоих слез. Кто я такая? Так! Пустышка! Травинка сорная. Так хотела ребеночка. И Федя хотел! Не получилось. Он, может, и пьет потому. Ой, только ты не подумай! Я не упрекаю тебя!

Вера отняла икону от груди и испуганно посмотрела на Богородицу. Вздохнула горестно.

- Как же у тебя сердца-то на всех хватает? На всех, на нас. Ой-ой! Ты прости меня! Но вот у тебя есть Сын. Ты знаешь, что это такое, когда есть сын. А я? А я не знаю. Разве ж это правильно? Вот скажи, что мне делать?

Вера с надеждой взглядела в лицо Богородицы, словно тут же рассчитывая услышать от нее ответ.

- Молчишь... - Она снова прижала икону к груди. - Вон, счастье мое в коридоре валяется. Пьяное. Батюшка сказал: мой крест. Да я не отказываюсь. Только мне бы понять, чем я провинилась, что такой крест у меня? Я бы исправилась. Правда! Батюшка говорит: жалеть надо. А где же силы взять для жалости? Тут на днях по телевизору показывали детишек бездомных, ну, сироток. У одного папанчика такие глазенки! Грустные! Прямо запали мне в душу! Вот все во мне перевернуло! Слушай, а может, нам ребеночка взять? Ну, папанчика этого, что в телевизоре был? А? Что скажешь? Может, и Федя пить бросит. Он ведь по молодости знаешь какой был! Ласковый! Добрый! А батюшка говорил, если Господь не дал мне своего ребеночка, значит, надеется, что я сиротке мамой стану. Мол, у бездетных на земле это... как же это слово он назвал?... забыла я... А! Вспомнила! Миссия! Сироток согреть. Видишь как! Надеется на меня Господь! Может, и в самом деле сиротку взять? Я бы любила его...

Вера еще долго шептала, рассказывала, то поглаживая икону, то с надеждою глядя в лицо Богородицы. Она и не заметила, как уснула. И во сне лицо ее, тронутое легкой улыбкой, казалось молодым и счастливым.

Она проснулась ранним утром от стука молотка. Значит, Федор уже проснулся и делом занялся. Вера улыбнулась, давно она не просыпалась в таком хорошем настроении. И Богородица этим замечательным утром смотрела на Веру спокойным мудрым взглядом. Ее вздытые руки, словно благодарили небеса. И Младенец Спаситель улыбался Вере. Быстро поставив икону на место, она перекрестилась и утвердительно кивнула, мол, не волнуешься, все путем. Все еще улыбаясь, она выглянула в коридор. Мрачный небритый Федор ремонтировал шкаф. Он хмуро взглянул на жену:

- Ты чего это с иконой легла? Помирать что ль собралась? Ты мне это брось! Чего улыбаешься-то?

Вера подошла к мужу, погладила взлохмаченные реденькие на макушке волосы:

- Федь, а давай ребеночка возьмем из детдома? А?

- Да, делай что хочешь! - сердито отмахнулся муж и отвернулся, но Вера успела заметить, как легкая улыбка тронула его губы.

Нина РОЖЕНКО
Краснодарский край